

Лис-Арден
Книга Белоцвета

Лис-Арден
Книга Белоцвета

«Издательские решения»

Лис-Арден

Книга Белоцвета / Лис-Арден — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-969547-5

«Книга Белоцвета — возвращение в мир трилогии «Алмаз темной крови», за новыми персонажами и приключениями. Герой повзрослел, познал вкус первой победы — а значит, пришло время для настоящих испытаний. Вторая книга в серии «Вечный котел и прочие чудеса».

ISBN 978-5-44-969547-5

© Лис-Арден
© Издательские решения

Содержание

Глава первая, в которой наш герой начинает свой путь в стране-под- холмами	6
Глава вторая, в которой совершается жертвоприношение	16
Глава третья, в которой герой попадает в лабиринт	27
Глава четвертая, рассказанная очень тихим голосом	35
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Книга Белоцвета

Лис-Арден

Иллюстратор Кий Ораха

© Лис-Арден, 2019

© Кий Ораха, иллюстрации, 2019

ISBN 978-5-4496-9547-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава первая, в которой наш герой начинает свой путь в стране-под-холмами

*Оставляешь за спиной мир привольный и простой.
С каждым шагом будет глуше, будет горше, будет хуже.
Не оглядывайся. Помни – выбираешь только ты.
Может, в темноте иные распускаются цветы?*

Руки мертвого короля оказались очень холодными, будто облитыми льдом, и вскоре у Амадея заныли пальцы, будто он снова выполаскивал белье в зимней стыллой речке. Однако он не стал даже пытаться высвободить свою руку из твердого, неживого пожатия, поскольку совсем не был уверен, выдержит ли вода его самого по себе, без королевского сопровождения. А когда озеро сомкнулось у них над головами, то резонов отпустить руку провожатого стало и того меньше.

Они спускались по тропе, уводящей вниз, в глубины озера и еще дальше; вокруг них мерцали водяные стены, не пропускающие ни одного звука из оставшегося позади верхнего мира. Амадей оглянулся – не светлые, но непроглядно темные воды смыкались за ними, и никакой дороги назад не было.

Идти пришлось долго; пальцы Амадея уже перестали чувствовать холод и словно растворились в ледяном пожатии мертвого короля; но вот, наконец, водная тропа закончилась. Они вышли на твердый камень перемычки между двумя подземными озерами, одно из которых исхитрилось подняться на поверхность, и не где-нибудь, а в королевских садах; водяные стены опустились, и озеро вернулось в свои берега. Над головами пришедших вздымался высокий потолок пещеры, темноту разгонял лишь свет, исходящий от белого костяного обруча короны на голове Остролиста. Амадей осмотрелся. В нескольких шагах от него на черной воде второго озера тихо покачивалась лодка.

– Как же мне называть тебя?

Мертвый король задал этот вопрос, глядя на Амадея обманчиво незрячими глазами и едва заметно улыбаясь.

– Вам не нравится мое имя? Или есть особые правила для людей, которых вы приводите сюда?

– Ты не человек, – мягко возразил король. – И чем скорее ты это поймешь, тем лучше. Попроси своего фамилиара перестать прятаться у тебя за пазухой, пусть возвращается на привычное место. Но сначала я хочу на него посмотреть.

Амадей почувствовал, как напрягся и задрожал Шеш, как медленно, неохотно выполз он наружу и обвился вокруг его шеи.

– Ваше Величество, – еле слышно прошепел змей, склонив маленькую черную голову.

– Рад встрече, Шеш. – Кивнул король. – Сделай одолжение, ответь мне – как ты зовешь своего подопечного? Какое имя ты дал ему, когда впервые увидел мальчика?

– А что же вы сами, ваше величество? – Спросил змей, покачивая головой. Амадей удивился: из голоса Шеша исчезли все присвистывания и шипение, да и сам голос изменился, стал ниже и тяжелее.

– Не хочу именовать впопыхах, – ответил король, – все-таки он мой внук. Ты знаешь его не в пример лучше, и данное тобой имя должно быть ему впору.

Шеш вздохнул.

– Белоцвет. Так я зову его.

– Хорошее имя. – Помолчав, кивнул король. – Я слышу его.

Он повернулся к Амадею, положил ему на плечо свою тяжелую, ледяную ладонь.

– Забудь Амадея. Теперь ты Белоцвет, сын принцессы Вереск, наследник Остролиста, короля хогменов. Там, куда мы идем, Амадею не выжить без Белоцвета, поэтому теперь он главный. Привыкай видеть и слышать как он, говорить и молчать как он...

– То есть как хогмен.

– Да. Половина тебя принадлежит нам, твоя кровь не так уж и красна. Ты научился жить человеком, а значит, можешь забыть эту науку, пока она тебе снова не пригодится.

Остролист шагнул назад, жестом указывая на тихо покачивающуюся на темной воде лодку.

– Прежде чем продолжится наш путь, ты кое-что должен сделать. На тебе есть железо. Оставь его здесь, на берегу. И пусть вместе с ним останется и Амадей. Ты вернешься к нему, когда закончится твое царствование.

Впервые за все время, прошедшее с первого шага рука об руку с мертвым королем, Амадей огорчился. Имя? Да и пусть, наживется новое, не впервой. Но вот подарки Горчи, хаусвер и стилет, верные, надежные друзья, не раз выручавшие Амадея – оставлять их ржаветь на сыром камне было обидно до слез. И серебряное кольцо с гербом Дионина тоже было жаль бросать. И серебряную брошь с гранатами, так похожую на разломанный спелый плод.

– Не тяни. – Сердито прошипел на ухо Амадею Шеш. – Ты что же, думал, что тебя с эдаким арсеналом в страну-под-холмами пустят? Нет уж, подписался на службу в гарем – милости прошу к евнухам!

– Не запугивай его, Шеш. – Мягко усмехнулся король. – Амадей, ничего с твоими вещами не станется. Здесь некому их красть... да и не сможет никто. Сам знаешь, как любят мои подданные холодное железо.

Не подумав, юноша выразительно посмотрел на стрелу, торчащую из груди Остролиста.

– Это единственное железо, которое терпит земля хогменов. Можно сказать, одна из королевских привилегий, – улыбнулся мертвый король. – А теперь поспеши. Ты же не хочешь, чтобы еще один город стал предметом рукоделия...

Вспомнив Каппио, намертво запутавшийся в кружевах искусницы-горбуни, Амадей стиснул зубы и решительно потянул из ножен хаусвер. Рядом с тяжелым ножом, похожим на выпрыгнувшую на каменистый берег рыбину, лег тонкий черный стилет, брошь, пара колец, горсть монет из кошель, пояс с серебряной пряжкой. Юноша выпрямился, накидывая тяжелый синий плащ на плечо.

– Хорошо, что Дамиано подарил мне эти агатовые пуговицы. Не то шел бы как на казнь, рубахой наружу.

– Надеюсь, до казни дело не дойдет. – Невозмутимо ответил король. Он подошел к лодке, и та послушно подплыла к его ногам, оглянулся и протянул руку юноше. – Я спрашиваю тебя во второй и последний раз, ты идешь со мной, Амадей?

– Иду.

И Амадей, опираясь на руку Остролиста, шагнул в лодку. Та качнулась под их тяжестью, озеро в ответ вздохнуло, распуская оборками легкие волны. Король сел на единственное простое деревянное сидение, рядом с ним устроился юноша. И лодка, повинаясь воле хогменского волшебства, тихо заскользила по воде, унося своих седоков под каменные своды, вглубь земли. Когда они отплыли от берега, на котором жалобно поблескивало оставленное Амадеем железо, Остролист встал во весь рост и вновь открыл глаза. Сидящий рядом юноша замер, у него встал дыбом каждый волосок, перехватило дыхание – но, вопреки ожиданию, страха не было, а было азартное ожидание, как перед прыжком в холодную весеннюю реку. Открытые глаза мертвого короля разливали свет, озаряя огромную пещеру, где их лодка казалась детской игрушкой. Прозрачная вода не скрывала каменного дна, которое мнилось особенно близким там, где глу-

бина превосходила всякое воображение. Потолок пещеры был закруглен почти правильным яйцеобразным куполом, по стенам мягкими складками стекали известковые драпировки.

Король медленно повернул голову и, сверху вниз, посмотрел прямо в глаза юноше.

– Добро пожаловать, Белоцвет.

Лодка бесшумно разрезала воду, оставляя по себе едва заметную волну. Один каменный зал сменялся другим, и вскоре Белоцвет потерял им счет. Они проплывали узкими коридорами, где едва было место их суденышку, и можно было прикоснуться к стенам – возможно, это были первые живые прикосновения, которые ощущал камень. Иногда лодке приходилось лавировать среди растущих из-под воды сталагмитов, похожих на каменные водоросли; красота некоторых подземных пещер заставляла горько сожалеть об их недоступности. В одной пещере сталактиты почти соприкасались со сталагмитами, и найти путь в этой каменной бахrome оказалось не так легко, в другой посреди водной глади возвышалось подобие мраморного трона, вокруг которого на дне белели неведомо чьи кости. На стенах Белоцвет видел вычурные канделябры, ошестинившиеся десятками свечей, белых и оплывших, видел цветы и деревья – и все это было каменным. Он совершенно не ощущал тяжести земной тверди, веса Трискелиона, возвышавшегося над подземными озерами, и бесконечная тишина не томила его. Вкуса здешней воды, впрочем, он не изведal; когда юноша попытался зачерпнуть ее ладонью, мертвый король заметил:

– Не стоит пить темной воды, если ты не желаешь забыть себя самого.

Они плыли в молчании, которое изредка нарушало звонкое падение капель воды или скрип деревянного бока лодки по камню. Белоцвет не задавал вопросов, слишком много их было; он решил, что все увидит сам и составит свое мнение. Лишь однажды их одинокий путь был нарушен чужим присутствием: проплывая через залу с причудливыми витыми колоннами, Белоцвет заметил, как из темного бокового коридора, почти не возвышающегося над водой, выскользнул мерцающий силуэт кого-то гибкого и быстрого. Юноша едва успел его заметить. Но уже через минуту по правому борту лодки, где он сидел, вытянулась, сверкая и дробясь под водой, фигура причудливых очертаний: серебряный рыбий хвост, узкие плечи и длинные тонкие руки, голова, за которой струились бесконечные пряди зеленых волос. Он не успел даже слова сказать, как за борт схватились мокрые пальцы, и из воды показалось лицо – очень красивое, почти человеческое. Огромные рыбы глаза, золотистые, с черным кружком зрачка, совершенно круглые и лишенные век, с любопытством рассматривали Белоцвета, а потом существо швырнуло в юношу пригоршню ледяной воды, засмеялось и потянуло его за рукав к себе.

Остролист погрозил гостю пальцем и сделал нетерпеливый жест, будто отгоняя комара; водяная дева оскалилась, продемонстрировав белоснежные, острые зубы-иголки, и оттолкнулась от борта. Проплыв под лодкой, она вынырнула впереди и так плеснула своим хвостом, что и короля, и его спутника окатило с головы до ног. После этого водяная исчезла, и напрасно Белоцвет искал глазами проблеск живого серебра среди камней.

– Понесла новость на своем хвосте, – усмехнулся король. – Как всегда, водяные все узнают первыми. Что поделал, вода везде проникнет, все растворит.

Их долгий путь закончился в огромной пещере, похожей на ту, в которой было оставлено железо. Лодка послушно ткнулась в пологий берег и замерла.

Было видно, что из пещеры уходит всего один коридор, высокий, но довольно узкий, и дорога эта ведет посуху. Король перехватил свой деревянный посох и жестом пригласил Белоцвета следовать за ним. За пределами пещеры их ждала страна-под-холмами.

Когда они вышли из жерла коридора, Белоцвет остановился и нетерпеливо оглянулся. Его взгляду представилась долина, над которой клубились бело-золотые облака, испускавшие свечение, заменяющее хогменам свет солнца. Очертания земли напомнили юноше путь во Вли-

хаду – те же плавные линии холмов, поросшие гребнями перелесков, вьющиеся меж ними ленты дорог, небольшие озера, отражающие золотые облака. С высоты он мог разглядеть одинокие деревья, редкие дома, казавшиеся заброшенными, массивные каменные валуны, составленные неправильными кругами, и напротив, идеально правильные круги рощ, венчающие верхушки холмов. На самом высоком из них возвышалась башня, похожая на маяк. Белоцвет вопросительно посмотрел на короля.

– Верно. Это дворец. – Ответил Остролист. – Там моя гробница. И трон, который вскоре станет твоим. На время, разумеется.

– Это я уже понял. Здесь принято ходить пешком?

– Почему же? Верхом тоже не возбраняется. Не думаешь же ты, что увидел всю страну-под-холмами. Она значительно больше Вечной долины. Поэтому у водяных есть гиппокампы, у воздушных – птицы или стрекозы, лошади тоже есть... не такие, к каким ты привык, конечно.

Опираясь на посох, Остролист принялся спускаться по склону, осыпающемуся мелким черным гравием. Оказавшись у подножия горы, он подошел к огромному, поросшему седым лишайником валуну, расколотому надвое длинной, извилистой трещиной, и присвистнул. Из трещины, шириной не более ладони, потянулись две струйки серого дыма. Они выросли и темнели на глазах, принимая облик двух коней. Вышедшие бесплотными тенями, кони быстро приняли материальную форму; были они тускло-белой масти и весьма костлявые, в глубоких провалах их глазниц горели синие огоньки, и ни сбруи, ни седел на них не было.

Остролист протянул руку и потрепал одного из коней по шее.

– Это Дурной Сон, а тот – и он указал на второго коня, раздраженно мотающего головой, – Злой Умысел. В обиходе Дурной и Злой. Удила не для них; если такой конь тебя признает, седло тебе тоже не понадобится.

И одним прыжком король-мертвец оказался на спине своего коня.

Белоцвет посмотрел на коня с именем Злой Умысел: тот все так же нервно потряхивал головой, пару раз стукнув о каменистую землю копытом. Он явно не был расположен брать седока. В детстве Белоцвет многое узнал о повадках лошадей от Горчи, и усвоил самое главное правило, преподанное старым солдатом: «Лошадь всегда права». Вспомнив о нем, он сделал несколько шагов навстречу Злому. Тот, расценив движение человека как посягательство на свою свободу, немедленно взвился на дыбы, нависая над юношей грязно-белой скалой. А Белоцвет медленно поднял обе руки в понятном любому существу жесте примирения и отказа от притязаний на право сильного. «Я сдаюсь», – говорил он коню, – «Я слабее тебя. Ты победил». Держа руки поднятыми, Белоцвет отступил на пару шагов назад. Конь опустил копыта передних ног гулко ударили о землю. Юноша повернулся и пошел вслед за Дурным, который неспешно тронулся с места, увозя короля-мертвеца; пройдя немного по дороге, он посмотрел через плечо на своего коня. Тот стоял, переступая с ноги на ногу, и выглядел растерянным; он явно не ожидал такой скорой капитуляции, и предоставленная свобода повергла его в недоумение. Белоцвет улыбнулся краешком рта, вспомнив, что говорил ему Горча: «Они любят компанию не меньше нашего, а в одиночестве от тоски маются. Ты, главное, не навязывайся. Не принуждай. Пусть он покобенился. Заскучает – сам подойдет».

Некоторое время юноша шел рядом с конем Остролиста; несмотря на очевидное, он почти не чувствовал усталости. Так бывало в особенно горячие деньки в «Копченом хвосте», когда он кружился как белка в колесе, вставая засветло и засветло же ложась, не успевая даже согреть свой соломенный тюфяк. Правда, потом он полдня отсыпался в закутке у Горчи, и тетка Стафида почти не ворчала на него за это. Вот и сейчас шаги Белоцвета были ровными, глаза смотрели ясно и голова вполне соображала.

– Ваше величество, мне бы хотелось побольше узнать о вашей стране и ее жителях. У вас во дворце найдутся книги?

– Найдутся, – ответил король. – Вот только написаны они людьми, поэтому не стоит принимать их за истину.

– Людьми? – Удивился юноша. – Вот оно как. Моими предшественниками, надо полагать?

– Не только. Некоторые мои подданные жить не могут без человеческого общества. Такова их природа. Порой люди задерживаются у нас очень надолго... и, чтобы скоротать время, принимаются мал-помалу хозяйничать тут.

– Значит, я не единственный человек в стране-под-холмами?

– Это было бы странно и удивительно, если бы было так. Разумеется, ты здесь не один. Однако я не советую тебе искать общества людей. Оно может оказаться довольно утомительным, если не неприятным. А кроме того, здесь ты не человек, и об этом тебе забывать не стоит.

– Пока что я чувствую себя по-прежнему, – признался Белоцвет. – Ничего особенного, хогменского.

– Не все сразу. – Отозвался король. — Не спеши. Все произойдет само собой. Для начала побудешь под моей защитой, а потом и сам по себе.

С этими словами Остролист повернулся к Белоцвету, раскрыл ладонь и несильно дунул на нее. Белоцвету показалось, что с пальцев короля слетело облачко сверкающей пыли и на мгновение окутало его с головы до ног. В воздухе отчетливо запахло полынью.

В молчании они продолжили свой неторопливый путь. Через час продвижения по безлюдной равнине, мимо невысоких каменных изгородей и редких одиноких деревьев, дорога свернула влево, огибая невысокий, но крутой холм, поросший колючим кустарником.

– Амадей... – Голос, нежный и сильный как шелковая удавка, зазвенел в прохладном воздухе. – Амадей, ты пришел! Я так долго ждала тебя...

Вздвигнув, юноша обернулся – сухие, намертво сцепившиеся тысячами колючек, ветки кустарника на глазах расплетались и открывали ему проход наверх, к полянке на макушке холма. Там, по щиколотку в мягкой траве, стояла девушка. Чем-то похожая на Кьяру, но на Кьяру, не знавшую ни боли, ни бед, а поэтому и сострадания тоже не знающую. И очень красивая, такой настоящей Кьяре тоже не быть, потому что у нее то нос от холода покраснеет, то глаза от слез опухнут, или просто плохой день на лице задержится. А эта, стоящая на холме, в светло-зеленом шелковом платье, вьющемся по ветру, от таких мелочей не зависела.

– Ну что же ты медлишь? – Девушка улыбнулась, откинула рукой прядь темно-зеленых волос с лица. – Поднимайся, Амадей!

– Вы опоздали, госпожа, – не без сожаления ответил ей юноша. – Амадея здесь нет. Но все равно благодарю за приглашение, хотя подозреваю, что бедняге Амадею не поздоровилось бы, вздумай он им воспользоваться.

– Да как ты смеешь? – Нежность в девичьем голосе мгновенно сменилась раздражением. – Ты должен бежать ко мне со всех ног! Я позвала тебя, смертный, позвала по имени!

– Не гневайтесь, госпожа. Амадей побежал бы. И вы закрыли бы ему путь назад, чтобы никто живой не продрался через ваши колючки, и натешились бы им вдоволь. Что было бы потом... – юноша усмехнулся, – нетрудно догадаться. Уж очень остры у вас зубы, госпожа.

– Замолчи! – Голос с вершины холма сорвался на противный визг. – Я приказываю тебе, Амадей! Поднимайся!

Король-мертвец явно наслаждался происходящим, не произнося ни слова.

– Я никак не могу понять, кого вы зовете, госпожа, – удрученно произнес Белоцвет. – Здесь только мой король, и два коня, и ни одного из них не зовут Амадеем.

Стиснувший запястье своего хозяина змей ослабил хватку и еле слышно захихикал.

Девушка на холме потеряла дар речи и только глазами хлопала. Она выглядела такой смешной в своей самоуверенности; привыкшая действовать по раз и навсегда заданным пра-

вилам, бедняжка не знала, что делать помимо них. Даже ее красота перестала отводить взгляд; мало ли красивых девушек на свете, подумаешь, эка невидаль.

– Уймись, госпожа Терновник, – примирительно обратился к девушке Остролист. – Все мы обессилены, все жаждем. Нет ничего удивительного в том, что ты почуяла добычу там, где ее нет. Вот, познакомься, – мой наследник Белоцвет. Ему стоило представиться с самого начала, но он предпочел подразнить тебя. Извинись, Белоцвет.

– Я прошу вашего прощения, госпожа Терновник. – Белоцвет выступил вперед, поклонился. – Кажется, я позавидовал этому Амадею.

– Ах вот как. – И девушка направилась вниз, не обращая внимания на колючки, льнущие к ее ногам, не причиняя при этом ни малейшего вреда. Она остановилась в десятке шагов от дороги и поклонилась королю.

– Ваше величество. – После этого она повернулась к Белоцвету и оценивающе посмотрела на него. – Я действительно не в себе, если приняла тебя за человека. Заглядывай ко мне, Белоцвет, когда тебе наскучит царствовать. Мне не обязательно спать все безвременье, – и она хитро улыбнулась.

– Почту за честь. – Белоцвет еще раз поклонился.

Девушка вернулась на вершину холма, а путники направились вглубь Вечной долины.

– Ваше величество, а что, если бы вы не успели... – и Белоцвет дунул на ладонь, изображая королевский жест.

– Ты побежал бы к Терновник со всех ног, – усмехнулся Остролист. – Поначалу. Ближе к вершине пришел бы в себя и попытался сопротивляться, но она подошла бы и взяла тебя за руку. В момент первого прикосновения все теряют рассудок, так что даже фамилиар не смог бы тебе помочь. – И король вздохнул, отчего затрепетало оперение стрелы, торчащий у него из груди. – Пришлось бы мне разлучать вас насильно, а я не знаю, что более жестоко – оставить человека в объятиях Терновник, или вырвать из них.

– И она не признала бы во мне хогмена?

– Для начала признай его в себе сам. После этого все станет намного легче.

Белоцвету пришлось идти еще около часа, прежде чем он почувствовал, как следовавший до этого в отдалении конь подошел почти вплотную к его спине. Юноша постарался ничем не выдавать своего «я так и знал». Злой Умысел шел вслед за ним, и дыхание коня шевелило волосы на голове Белоцвета. Юноша незаметно сунул руку в поясной кошель, где, как он надеялся, завалялось несколько ромовых леденцов, которые любил Шеш. Нащупав пару липких кусочков, он подцепил их, вынул и поднял руку ладонью вверх, продолжая беседовать с королем. Через минуту в ладонь Белоцвета ткнулись прохладные, шершавые губы Злого, и конь захрустел леденцами. Они и ему пришлись по вкусу, судя по довольному вздоху.

А когда конь ткнулся мордой в затылок Белоцвета, юноша обернулся и прижался лбом к его склоненной голове, замерев так на несколько мгновений. От подобного проявления доверия Злой Умысел несколько опешил и даже отстал на десяток шагов. Однако вскоре вновь топал позади. В следующий раз Белоцвет сам повернулся к коню и погладил его по шее. Несмотря на свой замогильный вид, Злой ничем не отличался от обычных лошадей. Он был любопытен, падок на сладкое и доверчив к ласковому обращению.

– Последнего своего седока, вернее, возомнившего себя таковым, Злой сбросил на скалы, – не поворачивая головы, сообщил Остролист. – То были очень острые скалы.

Белоцвет кивнул в ответ:

– Никому не нравится железо во рту и удары плетью. Я бы еще и копытами поддал.

Злой Умысел фыркнул так, что волосы Белоцвета взлетели как семена одуванчика на ветру. Прошло еще немного времени, и конь положил голову на плечо человека, вынуждая его остановиться. Белоцвет был почти не удивлен, когда Злой опустился на передние ноги,

приглашая его к себе на спину. Юноша и сам встал на колени и обнял коня за шею. Он чувствовал, что Злой не притворяется дружелюбным, что ему можно довериться – но предпочел снова встать и пойти своими ногами, потрепав коня по гриве. Так продолжалось до тех пор, пока Белоцвет не споткнулся, скорее от того, что загляделся на огромные ворота, сложенные из неотесанных каменных глыб и ведущие в никуда, чем от усталости. Этого Злой Умысел не выдержал, решительно оттеснил человека с дороги и мотнул головой – мол, давай садись, хватит ногами пыль поднимать.

Белоцвет подошел к коню, крепко взялся за гриву в основании шеи и, сильно оттолкнувшись ногой, одним махом оказался на спине Злого. Подтянулся, сел ровнее, и, наклонившись, протянул коню последний леденец, заранее припрятанный в рукаве. Злой с удовольствием взял его губами и пошел вперед ровным шагом, рядом с Дурным Сном.

– Ты справился с ним как человек, – Остролист смотрел на Белоцвета открытыми глазами. Только сейчас юноша понял, что они ничем не отличаются от диких синих огней, горящих в лошадиных глазницах. Разве что спрятаны не так глубоко. – Не забывай об этом пока.

– Постараюсь. Мы можем ехать быстрее?

– Можем. Я, в отличие от тебя, устал и хочу отдохнуть в своей гробнице, а не под деревом посреди равнины.

И король-мертвец сжал коленями бока коня, посылая его вперед легкой рысью. Вопреки ожиданиям Белоцвета, Злой не попытался тут же сбросить его наземь, а прянул вперед той же рысью, держась на полкорпуса позади короля.

– Ты скормил ему все мои леденцы, – с осуждением констатировал Шеш, поднявшийся по руке до плеча. – Здесь таких не найти.

– Ты всегда можешь прогуляться наверх, – ответил Белоцвет. – И необязательно долгим путем, верно?

– Все равно. Это были мои леденцы.

Наостривший уши Злой Умысел фыркнул так насмешливо, что у Белоцвета не осталось ни малейшего сомнения, что он слышит и понимает все их слова.

– Ах так? – Возмутился Шеш. – Сожрал своей пастью мои леденцы, так еще и обзываешься?

– Будет тебе, Шеш, – примирительно сказал Белоцвет. – Не бранитесь при короле.

– О, я привык, – бросил через плечо Остролист. – У фамилиаров и лошадей сильно развито чувство собственности, они способны подраться из-за ревности к своим хозяевам. И в ругательствах они толк знают, – и король погладил Дурной Сон по шее.

Они ехали по Вечной долине, не встретив на своем пути никого, кто рискнул бы показаться путникам. Белоцвет подозревал, что из-за скал, из травы и кустов, с золотисто-белых небес и с ветвей высоких деревьев их видело немало глаз, но никто так и не показался, не вышел поприветствовать своего короля, любопытствовать, кто едет рядом с ним. Возможно, в юноше видели королевскую добычу, спорить за которую не решались, или напротив, признавали в нем наследника и не хотели задерживать его по пути во дворец. Они остановились только один раз, когда Белоцвет совсем истомился от жажды, и король позволил ему напиться из ручья, бросив в него сорванную тут же травинку.

На небе страны-под-холмами не было солнца, и Белоцвету было трудно понять, как здешние обитатели отличают день от ночи, да и отличают ли. Однако с течением времени золотистые облака заметно потемнели и сгустились.

– Там, наверху, закончилась ночь. – Догадался Белоцвет. – Наступает утро. А здесь наоборот, верно?

– Верно, – откликнулся Шеш, дремлющий на плече хозяина. – Скоро приедем, я уже чувствую запах умирающих цветов в королевском саду.

Дорога пологим уклоном шла вверх, уводя их к подножию высокого холма, на котором высилась та самая, похожая на маяк башня. При приближении оказалось, что она сложена из серого камня, имеет только один вход и вообще мало похожа на королевский дворец. Башню окружал небольшой сад: растущие как придется кусты диких роз, цветники, потерявшие форму, карликовые ивы, метущие землю ветвями. Всюду царило запустение; если когда-то и был замысел регулярного сада, то он давно уступил место хаосу веток, побегов, цветущего и высыхающего в свой черед.

– Разочарован? – спросил Остролист, направляя коня к живой изгороди, превратившейся в неровный зеленый вал.

– Нет, – соврал Белоцвет. «И это, по-вашему, дворец?! В Трискелионе гарнизон пышнее разукрашен... Хотя Цатху бы понравилось», – подумал он, пряча глаза. – Одно могу сказать – большого двора вы не держите, ваше величество.

– А зачем он мне? Столько хлопот, а ради чего? Когда мне кто-то нужен, я всегда могу его призвать.

Они подъехали к саду, спешили и пошли по едва заметной дорожке ко входу в башню. Дойдя до каменного валуна, стоящего посреди заросшей по колено лужайки, Остролист похлопал Дурной Сон по боку и что-то шепнул ему.

– Отпусти своего коня, – сказал король Белоцвету. – Конюшен я не держу, они у меня на свободе гуляют. Понадобятся – достаточно позвать.

Белоцвет огладил коня по шее, заглянул в дикие синие огни, тлеющие в глазницах, и шепнул:

– Иди, красавец, погуляй хорошенько!

И оба коня, Дурной и Злой, стали бледнеть, истончаться, таять на глазах; вскоре две струйки серого дыма втянулись в едва заметную трещину, змеящуюся по боку камня.

– Удобно. – Оценил Белоцвет. – А если поблизости не найдется камня с трещиной?

– Пустяки. – Отмахнулся король. – Они дети воздуха, им все равно, откуда и куда приходить.

Остролист подошел к высоким дверям, ведущим в башню. Хватило одного его прикосновения, чтобы тяжелые створки медленно и бесшумно растворились. Внутри было прохладно, тихо и темно, воздух был свежим, как после грозы. Оказавшись внутри, Белоцвет неторопливо огляделся. Рассматривать оказалось нечего: просторная нижняя зала с каменным полом и несколькими узкими оконцами была совершенно пустой. Вдоль стены поднималась пологая каменная лестница, спиралью идущая до самого верха башни. Следующая, верхняя комната оказалась также пуста, как и третья, и четвертая.

– Больше похоже на сторожевую башню, – заметил вслух юноша. – Причем для стражников-аскетов.

– Отчасти так оно и есть, – отозвался король. – Только стражник тут один. Мы пришли.

Верхняя зала отличалась самым высоким потолком, терявшимся в полумраке, и большими, ничем не загороженными окнами. Посреди залы на грубо вытесанных из камня драконьих лапах лежала серая каменная плита. Остролист подошел к ней, снял с головы костяной обруч, положил его на край плиты.

– Я догадываюсь, как ты устал, Белоцвет. Спускайся вниз, в комнату под моей, там ты найдешь все необходимое. Выспишь хорошенько. Завтра наверху будет короткая ночь, а значит, нас ожидает долгий день.

С этими словами король-мертвец поставил свой деревянный посох в изголовье каменной плиты, лег и вытянулся на ней, сложив руки на груди. Белоцвет смотрел на Остролиста и пытался представить, сколько же столетий роскоши должны миновать, чтобы король предпочел голую каменную плиту и пустые стены сторожевой башни, где изначальная простота воз-

вращает память о прежних ощущениях. «Моя гробница, говорил он, – подумал Белоцвет, – я-то представлял себе мраморный саркофаг на яшмовом пьедестале, ониксовые колонны и мозаичный пол... а тут – голые стены и каменная плита. И при этом я не разочарован, как он подумал, а восхищен до глубины души».

– Ваше величество, – Белоцвет уже собрался уходить, но этот вопрос жег ему язык, и не задать его он не мог, – там, наверху... вы довольно легко отказались от своего требования. Вы же приходили за Дионином. И могли настоять на своем. Почему вы уступили?

– Я? Уступил? – Переспросил Остролист, не поворачивая головы. – Должно быть, тебе показалось. И, должен заметить, ты не менее легко отказался от своих заслуг... там, наверху. Отказался от всего, и последовал за мной.

Он помолчал и тихо проговорил:

– Как только я увидел тебя, не осталось и тени сомнения в том, кто мой наследник. В Дионине верх взяла кровь его отца. А в тебе – наша, и чем дальше, тем сильнее она будет. Поэтому ты и пошел за мной по своей воле. Довольно разговоров на сегодня. Иди отдыхать.

И Остролист закрыл глаза. В зале заметно потемнело; в окна задувал легкий ветер, шевеля длинные пряди светло-зеленых волос короля-мертвеца. Белоцвет поклонился и направился по лестнице вниз. Когда он спустился, то увидел, что в отведенной ему комнате, бывшей совершенно пустой, когда он проходил через нее, стоит кровать – точно такая же, какая была в дворцовых апартаментах. Рядом с ней располагались стол, раскладной стул; на столе стоял кувшин с водой и лежала пара яблок. Есть Белоцвету не хотелось, а вот воду он выпил почти всю.

– Ну, что скажешь, – обратился он к своему фамилиару, усаживаясь на кровать, – стоит ли мне здесь искать и запоминать отходные пути? Или это пустая трата времени?

– Я бы мог ответить, что пусть твой сон сторожит та ночная кобыла, которой ты скормил все мои леденцы. – Сварливо отозвался Шеш, сползая с запястья Белоцвета на покрывало. – Какие отходные пути, мальчик? Ты почти что в сердце страны-под-холмами, здесь всякий путь отходной, да только не для тебя.

– Какой же ты все-таки злопамятный, – пожаловался Белоцвет, стаскивая невысокие сапоги. – Но ты ведь меня не бросишь здесь одного? Тем более, – и юноша, запустив пальцы в поясной кошель, нащупал там утаенный от всех леденец, – тем более что у меня кое-что есть. Вот, держи. Не ромовый, а виноградный. По мне, так они вкуснее.

Шеш метнулся к положенной на кровать аметистовой конфете, обвился вокруг нее, облизал своим раздвоенным языком.

– Ах ты пройдоха. – Змей закатил от удовольствия глаза. – Так и быть, постерегу тебя. Ложись поскорее, а не то на пол упадешь от усталости.

Белоцвет послушался этого совета и, покидав одежду на стул, в одной рубаше забрался в постель. Он заснул, едва донеся голову до подушки. Шеш, убедившись, что его хозяин спит, сполз на пол и принялся расти, пока не достиг размера змеи-душителя, обитающей в джунглях Нильгау. Тогда он обвился вокруг кровати, на которой мирно посапывал Белоцвет, а голову положил в изножье. Время от времени длинный черный язык выстреливал из пасти змея, чтобы облизать виноградный леденец.

Ночь спустилась на страну-под-холмами. Ее обитатели, от мала до велика, попрятались по своим домам, похожие на зверей, переживающих тяжелую засуху. Жажда измучила их, меж тем как единственный источник иссяк, и утолить ее было нечем. Впрочем, обитатели Вечной долины видели сегодня, как король вернулся из верхнего мира и привел с собой того, чья кровь оживит родник в Священной Роще. Этот ритуал был древним как сама земля, и даже среди хогменов не было того, кто помнил бы, когда его провели в первый раз. Но каждый из них знал – как только жажда станет совсем нестерпимой, когда они почти сойдут с ума

и будут искать облегчения в верхнем мире, черпая силу в страдании людей, когда сам король не сможет смочить мертвых губ, тщетно погружая каменный кубок в опустевший источник – тогда настанет время жертвоприношения. А за ним придет безвременье, покой и отдых для каждого в стране-под-холмами.

Глава вторая, в которой совершается жертвоприношение

Возможно, хогмены и обладали множеством недостатков, но неуважение к чужому сну среди них не числилось. Никто не тревожил Белоцвета до тех пор, пока он сам не проснулся, вдоволь напотягивался под теплым одеялом и даже снова задремал, укрывшись с головой.

– Просыпайся, сновидец, – проворчал Шеш, уменьшившийся до размеров гадюки, стаскивая одеяло со своего питомца. – Где это ты привык спать до вечера, спрашивается? Вставай. Еда на столе, вода в кувшине.

Белоцвет сел на кровати, протирая глаза. Золотой свет, проникавший в узкие окна, окрашивал каменные стены в теплые, песочные тона. В огромной комнате по-прежнему было пусто, и кровать со столом казались детскими игрушками, брошенными на полу гостиной. Юноша протянул руку и погладил фамилиара.

– Ты настоящее сокровище, Шеш.

Он встал, натянул штаны и сапоги, подошел к столу и, налив воды в таз, принялся умываться; затем костяным гребнем принялся расчесывать волосы, пока они не легли тяжелой волной на плечи.

– Все точно такое, как было у меня во дворце, – заметил Белоцвет, оглядывая себя в небольшом зеркале. – Позаимствовали?

– Эта дребедень нужнее тебе здесь, – ответил змей. – Или предпочтешь спать на голом полу и умываться в ручье? После ритуала будет проще, а пока пусть остается так, как ты привык.

– Какого ритуала? – Спросил Белоцвет, садясь к столу и придвигая к себе тарелку с простецким деревенским пирогом с мясом и кореньями, даже без приправ, и кружку молока. – Может, расскажешь хоть что-нибудь?

– Ешь. – Буркнул в ответ змей, явно прикусив свой длинный язык. – Потом поговорим.

Белоцвет не заставил себя упрашивать и быстро уговорил свой завтрак. Пирог был еще теплым, посыпанная мукой золотистая корочка хрустела на зубах, а молоко было горячим, приправленное шафраном и медом, оно золотилось в большой белой кружке.

– Так вы чей-то завтрак стащили, – догадался Белоцвет, – выставленное с ночи уже остыло бы. Вот спасибо.

– На здоровье, – отозвался Шеш.

Юноша неторопливо доедал толстую корку, макая ее в молоко.

– Вы позволили мне выспаться всласть, как я не спал с самой зимы, – тихо сказал он, глядя в кружку, – кормите тепло и сытно... принесли все, от кровати до гребня. Знаешь, что мне все это напоминает? Горча перед тем как свинку, – и юноша выразительно провел ребром ладони по шее, – на кухню отправить, тоже и яблочком угощал, и за ухом чесал. Чтобы она не визжала и не брыкалась, как нож почует.

– Замолчи. – Шеш, лежавший на столе, отвернулся, пряча взгляд от юноши. А потом обернулся и зачастил: – Что ты несешь, разве можно с таких слов день начинать. Сколько раз тебе говорить – следи за языком, лучше промолчи, не накликавай беду, она и незваная придет. Все, хватит тут рассиживаться, спускайся, король уже ждет тебя.

Белоцвет ополоснул руки и, позволив змею оплести свое запястье, направился вниз. Он прошел через все пустые, полутемные комнаты и вышел в сад. Небо было еще светлым, но облака уже клубились золотыми шарами; одичавший сад цвел напропалую, разбрасываясь великолепием как проматывающий семейное имущество игрок. В потрескавшихся каменных

вазах вскипали, переливались через край малиновой пеной сладко пахнувшие рассветники, белоснежные крылоцветы парили над высокими стеблями, лисохвосты оранжевыми гроздьями свисали с тонких веток, клоня их к земле. Мелкие дикие розы всевозможных цветов пестрели в темно-зеленой листве, будто вышитые искусными руками. И было очень тихо.

Накануне Белоцвет был слишком усталым, чтобы заметить это; но здесь, в стране-под-холмами, не пели птицы, не стрекотали цикады, никакого мелкое зверье не шуршало в траве. Лишь шелест листьев и едва слышный посвист ветра разбавляли замершую тишину подземья.

– Мильфлер. – Остановившись посреди лужайки, произнес вслух Белоцвет. – Ей бы понравилось здесь. Она никогда не уважала подстриженной красоты.

– Неужели ваши сады хуже здешнего? – Спросил Остролист, поворачиваясь к пришедшему. Король сидел на каменной скамье, в тени тернового куста; его высокий резной посох был воткнут в песок подобием гнома и отбрасывал четкую длинную тень.

– Ничуть не хуже, ваше величество, – отозвался Белоцвет. – Однако здесь все как будто с картины сошло. Цветы крупнее, листья не попорчены, ароматы сильнее.

– Ах, это. – Кивнул король. —Есть такое. Жульничаем помаленьку.

И он усмехнулся, жестом приглашая Белоцвета сесть на скамью напротив.

– Садись. И спрашивай обо всем, что кажется тебе важным.

Белоцвет внимательно посмотрел на короля: он показался ему постаревшим против вчерашнего дня.

– Плохо спалось, ваше величество?

– Сном смерти, – невозмутимо ответил Остролист.

– Как такое вообще возможно? И зачем?

– Скажем так – со смертью мы договорились. А зачем... принимая во внимание характер моих подданных, мне спокойнее быть мертвым. Мертвого короля не убьешь, не переживешь, не соблазнишь всякими глупостями, на которые так падки те, кто еще по эту сторону.

– Разве можно договориться со смертью? – Поразился Белоцвет.

– Не всякому, разумеется. Но когда высший в своем мире добровольно предлагает ей свою жизнь, задумывается даже она. Это все, о чем ты хотел спросить?

– Я хотел спросить совсем о другом. – Белоцвет смутился. – Об этом, правда, тоже, но...

– Не торопись. У нас уйма времени, почти целый час.

– Что? Всего час? – Белоцвет подскочил на скамье. – Да у меня вопросов на неделю!

– Тогда начинай прямо сейчас, – Остролист едва приметно улыбнулся.

– Что я должен делать, когда наступит безвременье?

– О, это просто. Обычные королевские обязанности: следить за порядком в землях, охранять границы, выдворять незваных гостей, скучать. Что еще тебя тревожит?

– Шеш обмолвился о каком-то ритуале. Мне полагается что-то о нем знать?

– Обязательно, ты же его главный герой. – Остролист развел руками. – Все сам увидишь. Выждав несколько минут, Белоцвет понял, что это и был ответ.

– Я хочу увидеть свою мать. Это возможно?

– Почему нет? Тем более что ты ее уже видел.

– Говорил мне Горча, у хогмена совет спросить – что камень поливать да урожая ждать. – Белоцвет невесело засмеялся. – Пожалуй, часа нам много будет, ваше величество. Если все настолько просто, то ответьте мне, что такого особенного в ваших подданных? Чем хогмены отличаются от людей?

Остролист на мгновение прикрыл глаза, словно задумался.

– Посмотри, – и он обвел рукой неудержимо цветущий сад. – Он прекрасен, не так ли? Я вижу, как ты смотришь на него, ты, дитя благодатной земли. Представь, что чувствует здесь северянка, привыкшая к серой земле и бурым травам. О, мой мальчик, стоит посмотреть, как она теряет голову, бросается вить венки, собирает такие букеты, что не в силах удержать

их в руках... и падает навзничь, усыпанная лепестками, задыхаясь от счастья, а ты заставляешь распускаться все новые цветы, чтобы только угодить ей... – Голос Остролиста прервался, и король отвернулся.

Шипастая ветка терновника, усыпанная нежными цветами, пахнущими как поцелуй под первым снегом, склонилась перед мертвым королем, осыпая его колени легкими лепестками.

– Нигде больше не увидишь ты цветов, подобных этим. Таких идеальных, таких безупречных... таких бесплодных. Мы цветы, Белоцвет. Только цветы.

И Остролист мягко отстранил ластящуюся к нему ветку.

– У мира есть три тела. Первое, простое и доброе, – это тело матери-земли, оно живет и умирает, оно чувствует и его может почувствовать всякий. Это тело материи. Второе подобно ветру, его не укротить и от него не спрятаться, оно пронизывает все сущее, хватает, играет и отбрасывает – это тело души. И есть третье.

Остролист улыбнулся, и над цветущим терном взвихрилось облако белых, чистых цветов, и стало медленно опадать на собеседников.

– В мире всего вдоволь, Белоцвет. Но есть кое-что, что протянуто тонкими нитями, горит редкими искрами... оно повсюду – и нигде. Это тело волшебства. И хогмены – его воплощения. Мы держим в себе то, что удержать невозможно.

Лепестки терновника застыли в воздухе, паря между собеседниками кружевной завесой.

– Все действительно просто, Белоцвет. Материя не может существовать без души, а душа больше всего на свете желает волшебства.

Завеса дрогнула и осыпалась наземь. А на шипастых ветвях уже распускались новые цветы, и в воздухе плыл нежный запах первого снега.

– И поэтому вы такие... – Белоцвет помолчал, выбирая слова, – бессердечные.

Остролист склонил голову в знак согласия.

– Для вас нет разницы между погибелью и спасением, ведь так? Волшебству все равно, оно просто являет себя, и если кто не спрятался – оно не виновато.

Белоцвет подбросил ногой цветочный сугроб, неожиданно тяжелый и плотный.

– Пожалуй, довольно вопросов. К тому, что меня ожидает, подготовиться невозможно. Поэтому давайте начинать поскорее. Что нужно для вашего ритуала?

– Не спеши. – Остролист указал на тень от посоха, неумолимо подбирающуюся к вросшему в землю камню. – Время еще не подошло. И хотя ты не спросил о самом главном, я тебе отвечу. Запомни, Белоцвет, мы всегда позволяем выбирать. И себе, и другим.

Король собирался сказать что-то еще, но в эту минуту из-за спины Белоцвета бесшумно появился огромный пес, подошел к королю и сел у его ног. Юноша едва посмотрел на него и тут же, не раздумывая, подскочил одним прыжком, обхватил пса за шею и принялся немилосердно его тискать.

– Живоглот! Старина! А вот я всегда догадывался, что ты из здешних! Ах ты старый разбойник!..

На морде пса, сидевшего неподвижнее статуи, застыло выражение крайнего изумления. «Этого не может быть, – говорило оно, – я сделаю вид, что ничего не происходит, и тогда никто не заметит, что я тронулся умом и мне чудится этакое». Король же смотрел во все глаза на происходящее; он также был ошеломлен и поначалу не знал, что делать. Наконец, он осторожно спросил:

– Белоцвет, позволь спросить, когда ты успел познакомиться с Цикутой?

– С какой еще Цикутой, – довольно невежливо ответил Белоцвет, зарываясь носом в серую шерсть, – не знаю я никакой Цикуты. А вот как вы заполучили себе Живоглота, хотел бы я знать? О боги, как же я рад тебя видеть! – И он так стиснул шею пса, что тот даже захрипел.

– Белоцвет, прошу тебя, сядь и успокойся. Цикута, не принимай близко к сердцу. Человек может обознаться.

Юноша неохотно встал с колен и вернулся на свое место, не преминув еще разок почесать пса за ухом.

– Белоцвет, – король положил ладонь на голову пса, – кто это, по-твоему?

– Я же сказал – это Живоглут, пес из «Копченого хвоста», он меня от смерти спас, а то и чего похуже. И не говорите мне, что я обознался, и этот просто похож на него. Я не могу ошибаться. Я чувствую его. Он дышит смертью, но мне не страшно, – юноша подмигнул псу, который, наконец, позволил себе перевести дыхание.

– И все же ты ошибаешься. Это Цикута, вожак моей своры. Никакая охота – даже Дикая – не обходится без собак. И если уж говорить начистоту, – Остролист шелкнул пальцами, и пес улегся, уложив морду на вытянутые передние лапы, – ты только что был на волосок от смерти. Обычно Цикута убивает не раздумывая, тем и ценен.

Белоцвет несколько минут обдумывал произошедшее, пристально глядя на зверя, в замешательстве прячущего глаза. Затем он встал, церемонно поклонился псу и сказал:

– Прошу простить мою неуместную горячность. Видите ли, я еще не совсем освоился со здешними порядками. Однако вы так похожи на моего Живоглота, я еще никогда так не обманывался. – И, сокрушенно разведя руками, юноша сел.

– Он принимает твои извинения. И впредь постарайся не пугать так моих подданных. Цикута, а ты как всегда раньше времени. Камень еще спит.

В молчании и ожидании время растягивается, минута может показаться часом, но здесь, в стране-под-холмами, время не имело такого значения как наверху. Бессмертные существа не обращали на него внимания, пускали его побоку и уж никак не думали им дорожить; постепенно время приноровилось к такому положению дел и, казалось, отдыхало в нижнем мире от мерного хода или бега, которому предавалось в мире верхнем.

Наконец, тень от посоха дотянулась до каменного бока. Вся и без того тихая долина замерла и затаила дыхание, когда это произошло. Остролист встал, выдернул из земли посох и обратился к юноше:

– Следуй за мной. Ты и сам знаешь – не бывает ритуала без жертвы. Но, в конечном счете, выбирать тебе, поэтому все будет так, как решишь ты. Идем, Белоцвет, время пришло.

Король-мертвец прикоснулся концом посоха к камню, и на месте их соприкосновения обозначилась тонкая трещина, которая побежала вверх, раскрывая камень как книгу.

То, что произошло потом, обрушилось на Белоцвета как водопад. Камень раскрылся, и буквально из ниоткуда на его месте возникли туманные врата, ведущие в ту же долину, но преобразившуюся до неузнаваемости. То, что было тихим, безлюдным и безопасным местом, превратилось в полную свою противоположность. Там, за вратами, долина кишела подлинными обитателями подземья, большими и малыми, прекрасными и ужасающими, и все они толпились в самом ее сердце, возле круга камней.

– Ты первый. – Король указал Белоцвету посохом на врата. – Иди, тебя уже заждались.

Выдохнув, Белоцвет распустил шнурок, стягивающий ворот рубахи, и шагнул за порог.

Он шел по тропе, не спеша, оглядывая открывшуюся его глазам настоящую Вечную Долину, и иногда отстраняя излишне любопытных ее обитателей, пролетающих слишком близко или норовящих сесть ему на плечи. Некоторые хогмены приветствовали его поклонами, на которые юноша отвечал очень вежливо, даже если тот, кому он кланялся, был ростом ему по колено и сидел верхом на огромной бородавчатой жабе. Другие, казалось, и вовсе не замечали идущего юноши, так они были поглощены расчесыванием волос, свисающих до самой земли – и это при том, что расчесывающая сидела на дереве, или же все их внимание зани-

мали драгоценные камни, которые почему-то норовили расползтись с хозяйских пальцев; при ближайшем рассмотрении драгоценности оборачивались жуками со сверкающими спинками. Высокие, мощного сложения козлоногие сильваны провожали Белоцвета плотоядными ухмылками, ламии посмеивались у него за спиной, а ловя взгляд юноши, делали такие невинные и ласковые глаза, что холодок пробежал по его спине.

Он знал их всех – благодаря книгам из дворцовой библиотеки, где под искусными рисунками были перечислены их свойства и привычки. Они были такие разные, что дух захватывало и разбегались глаза. Были легкие, вьющиеся стайкой мошкары, что-то непрерывно лопочущие, одетые в платья из обрывков болотного тумана. Были тяжелые, наполовину погруженные в землю, едва ворочающие глазами, недовольные тем, что потревожен их покой. Были невыносимо красивые, улыбающиеся, напевающие или играющие на флейтах, позади них часто мыкались какие-то тени, в которых Белоцвет, присмотревшись, распознал людей. Были и уродливые: пузатые, носатые, кривоногие, клыкастые, обросшие древесными грибами, разодетые в пышные наряды из мха, листьев, меха и чешуи, гордо носящие короны, вырезанные из дерева. Встречались такие, что и облик их было не различить, поскольку он постоянно изменялся, текучий как вода, из которой и состояли эти существа; они то вздымались над землей, будто волны, то падали, разбиваясь в сверкающую пыль. В глубине одного такого создания Белоцвет смог разглядеть фигуру человека – девушки лет шестнадцати, одетой в простое платье рыбачки; она плавала, безвольно опустив руки, запрокинув голову, но Белоцвету показалось, что она еще жива.

Место тишины, укрывавшей долину, занял несмолкающий шум. Вокруг Белоцвета шептали, смеялись, пели, рычали, неразборчиво болтали, пищали и посвистывали; гулко звенела земля под ударами копыт, шуршала трава под легкими шагами, трепет крыльев наполнял воздух.

Слабый золотистый свет, к которому уже привыкли глаза Белоцвета, сгустился, потемнел, в нем появились оттенки багряного, безжалостно подчеркивающие тени и углы. Можно было разглядеть мельчайшую травинку в венке ланнон ши, за которой шел молодой мужчина, сжимая мертвой хваткой конец ее длинного, расшитого шелком пояса, – судя по его одежде, он ходил за ней уже сотню лет. Можно было пересчитать песчинки, которые пересыпал из ладони в ладонь неприятный на вид хогмен: у него на плече сидела сова, с клюва которой что-то капало, а в его глазницах, похожих на окна в давно покинутом доме, сидели детские – перепуганные, огромные, полные слез – глаза. Словом, темнота, укрывшая долину, не скрывала ничего.

Волшебство, изнемогающее от своей избыточности, волнами прокатывалось по долине. Постоянно вспыхивали минутные свары, то и дело кто-то визжал или ревел; не было и намека на возможность порядка в этом хаосе.

Когда Белоцвет дошел до круга камней, он увидел, что там, посреди травяной лужайки, сидит каменная жаба размером с корову, поросшая мхом и лишайниками, держащая в лапах огромный каменный же котел. Подойдя поближе, он понял, что котел пуст. Хогмены вились вокруг него с горестными стонами, всхлипывали и ныли.

– Это наш вечный котел, – сказал Остролист, кладя юноше руку на плечо и разворачивая его к себе. – И он должен бурлить, истекать жизнью, а не иссыхать пустотой. Все хогмены нуждаются в воде из этого источника, в ней вся наша жизнь. Если сегодня он не наполнится, хогмены ринутся в верхний мир, чтобы хоть как-то подкрепить свои угасающие силы, как это уже сделали самые нетерпеливые. – Король помолчал и добавил: – Это твой первый возможный выбор.

– Люди не отдадут своего так легко, – ответил Белоцвет.

– Ты хочешь проверить, на что способны оголодавшие хогмены? – Король удивленно поднял брови.

– Ни в коем случае. Каков второй выбор?

– Испокон века мы приносим жертву нашему источнику, чтобы кровь возродила его к новой жизни. Человеческая кровь, Белоцвет. Ничто в мире не сравнится с ее силой.

– Вы хотите, чтобы жертвой стал я? – Юноша изо всех сил старался не подавать вида, насколько ему страшно.

– Ни в коем случае. – Остролист махнул рукой, и два рослых, плечистых лесных духа с оленьими головами, украшенными ветвистыми рогами, гулко переступая копытами, отошли куда-то за пределы круга. – Ты мой наследник, Белоцвет. Ты – король безвременья. Ты сохранишь и защитишь страну-под-холмами, когда придет нам время уснуть.

В ответ по толпе притихших хогменов прокатилась волна вздохов и восклицаний.

– Здесь и без тебя есть люди, достойные стать жертвой. Выбирай. – И король указал на группу жмущихся у высокого камня людей, то ли уже не испытывающих к своим хозяевам сильной привязанности, то ли отпущенных на прогулку по особому случаю.

– Вот значит как. Я должен наполнить ваш вечный котел. – Белоцвет подошел к пересохшему источнику, прикоснулся к прохладе каменного обода. – А ведь меня этому как раз и учили, ваше величество. Наполнять вечный котел, чтобы он жил и даровал жизнь другим.

– Так за чем дело стало? – Остролист неуловимо быстрым движением схватил пролетавшего мимо визжащего фоллета и кинул его в рот. Пережевывая еще брыкающегося подданного, король жестом приказал мускулисту сильвану вытащить кого-нибудь из людей к котлу. – Что? Тебя удивляет, что я утолил свой голод? Может, ты предпочтешь, чтобы я насытился кем-то из них? – И он указал на сидящих у ног дриады девочек-близнецов. Девочки кутались в зеленые волосы своей хозяйки и выглядывали из них, настороженно блестя глазами. Их собственные волосы, золотые как солнце, были заплетены в несколько десятков переплетенных между собой косичек, связывающих девочек друг с другом.

– Ваше величество. – Белоцвет говорил тихо и быстро. – Я знаю, что в вашем обычае испытывать людей. И я знаю, что необязательно выбирать из двух зол. Если поискать, всегда найдется и третье. Каков мой третий выбор?

– Третий выбор? – Переспросил король. Внезапно он прянул вперед, его лицо застыло вплотную к лицу Белоцвету, и он зашипел как разозленная гадюка.

– Есть и третий выбор. Не думаю, что он придется тебе по вкусу. Ты ведь мечтаешь вернуться наверх, не так ли? Думаешь, поцарствуешь здесь и вернешься к своему предназначению? Но для этого ты должен остаться тем, кто ты есть – Амадеем. А потом уже Белоцветом. И тот, и другой живут в тебе, но если ты утратишь одного – изменится и второй. Белоцвет нам нужен живым. Но ты можешь отдать нам Амадея. Принеси в жертву его.

И Остролист отпрянул, отступил от юноши и встал в стороне, тяжело опираясь на посох. И если до этого он казался Белоцвету вполне мирным мертвецом, достойным и даже дружеским, то теперь багрово-золотой свет обострил его и без того крючковатый нос, заложил глубокие тени под глазами, провалил рот. В безучастных до этой минуты глазах Остролиста загорелись голодные огни, у его ног толклась свора гончих псов, похожих на ожившую падаль, и с ужасом – но и с восторгом – юноша понял, что перед ним сам предводитель Дикой Охоты, король слуг, алчный, ненасытный мертвец.

Белоцвет огляделся. На него были устремлены сотни глаз, лихорадочно блестящих, одинаково нечеловеческих, застывших на грани безумия. Он видел сотни ртов, роняющих слюну, перекошенных, пересохших, жаждущих. Тяжелое дыхание хогменов окатывало его волнами то болотного тлена, то речной тины, то сырой земли. Они все ждали его решения, ждали

из последних сил, и преграда, отделявшая их от превращения в проклятие для мира людей, стала тоньше паутины.

– Вы и раньше не были благословением. – Белоцвет преодолел оцепенение и, отойдя в сторону, наклонился над сбившимися в стайку цветочными феями, плачущими и трясушимися от страха как овечьи хвостики. Юноша осторожно погладил по кудрявой голове одну из фей, одетую в пышные юбки из пионовых лепестков. – Но мир не сможет существовать без вас. Во всяком случае, я в таком мире жить не хочу.

Он встал и обратился к королю.

– Я сделал свой выбор, выше величество. Амадей прожил не долгую, но в общем неплохую жизнь, и я готов расстаться с ним. Никто не скажет, что Белоцвет, наследник Остролиста, начал свое царствование благодаря тому, что убил невинного. Мне было интересно быть человеком. Возможно, быть хогменом не хуже.

Остролист выслушал юношу и поднял руку, призывая к тишине своих сородичей, захлебывающихся от услышанного.

– Ты не разочаровал меня, мальчик. Воистину королевское решение. Расплачиваться за свой выбор самому, не перекладывать свои слова в чужой рот, принять кровь на своих руках. Я помогу тебе.

Повинуясь нескольким отрывистым словам, брошенным королем в сторону, двое олене-головых вернулись в круг, неся тяжелое зеркало в костяной оправе. Они поставили его на траву перед Белоцветом.

– Смотри и вспоминай. – Прошептал король на ухо юноше. – Вспоминай все, что любил Амадей. Что причиняло ему боль. Что трогало его сердце. Чем был он сам.

Белоцвет заглянул в стеклянную, подернутую дымкой глубину зеркала. Оттуда на него вопросительно смотрел белоголовый юноша, черты лица которого постоянно расплывались, да и фигура то и дело пропадала из виду. Но с каждым воспоминанием, вызванным к жизни памятью Белоцвета, его зеркальный двойник становился все ярче и отчетливей. И вот, когда стоящий за стеклянной стеной Амадей сам по себе улыбнулся Белоцвету, поправляя распахнутый ворот рубахи, Белоцвет, повинуясь безотчетному порыву, протянул ему руку. И тот ухватился за нее и вышел из зеркала.

Они стояли друг напротив друга, похожие и разные, дыша в такт, но чувствуя каждый по своему.

– Белоцвет...

Юноша нехотя обернулся: король протягивал ему каменный нож, широкий у основания и резко сужающийся к концу.

– Ты выбрал. Нет больше времени ждать. Нам нужна эта кровь, Белоцвет. Кровь!.. – Последнее слово Остролист прошипел оскаленным ртом, похожим на капкан.

Белоцвет поклонился королю и взял нож. Поначалу он дрогнул от его непривычной тяжести, но затем как-то сразу успокоился, перехватил нож поудобнее и вернулся в центр круга. Остролист остался стоять у него за спиной.

Юноша встал напротив своего человеческого двойника; тот смотрел на него, улыбаясь, будто не замечая вокруг себя полчищ хогменов, сдерживающихся из последних сил. И то сказать – люди умеют не видеть того, что не укладывается в их представления о мире, что выпадает из привычной обоймы впечатлений. Белоцвет положил левую руку на плечо Амадею. «Только бы он молчал, – мелькнуло у него в голове, – ради всех богов, пусть он молчит!»

– Кто ты? – Удивленно улыбаясь, спросил Амадей. – И почему...

Договорить он не успел. Белоцвет, крепко сжав его плечо, вонзил жертвенный нож Амадею в горло, туда, где бьется нетерпеливая, неугомонная жилка.

Как только каменное лезвие вошло в плоть человека, Белоцвет почувствовал как ледяная волна накрыла его с головой. Он устоял лишь потому, что падающее тело Амадея поддержало его. Никогда в жизни не ощущал он такого холода, даже когда замерзал в ноябрьском лесу; силы уходили из него как вода в песок, тяжело стало дышать, свет померк в глазах – он замерзал насмерть. И лишь пальцы правой руки горели от теплой, рвущейся на волю крови. Где-то далеко, кажется, на краю мира, раздавались ликующие вопли, разрываемые рыком и визгом.

Оленеголовые лесные духи разомкнули последнее объятие человека и хогмена. Один из них поддерживал едва стоящего Белоцвета, второй подхватил Амадея и понес его к мертвому источнику. Там он осторожно положил тело на дно котла, как в купель, и отошел назад.

Мертвая тишина воцарилась в сердце Вечной Долины. Казалось, хогмены не смели не то что дышать, даже сердца их замерли, чтобы не нарушить молчания смерти, приводящей жизнь. В этой тишине звук прибывающей воды оказался оглушающим, этот шелест вихрем пронесся по толпе хогменов, заставляя их падать ниц. Источник ожил и наполнялся так стремительно, что уже через несколько минут вода выливалась через край каменного котла, ручейками текла по траве. А на дне плавало тело жертвы, и казалось, что человек превратился в цветок, в котором перемежались багровые и белые лепестки.

– Белоцвет.

Юноша, поддерживаемый лесным духом, открыл глаза и попытался стоять твердо. Перед ним был король Остролист, и он протягивал ему выточенный из черного хрусталя кубок, наполненный живой водой.

– пей. Ты первый.

И, не дожидаясь пока Белоцвет возьмет кубок, король прижал его к губам юноши и наклонил.

Белоцвет пил, жадно глотая холодную воду со сладко-соленым привкусом крови. С каждым глотком силы его прибывали, прояснялось сознание, и что-то новое входило в его сердце. Он выпил половину поднесенного королем, который проглотил оставшееся.

– А теперь – пейте все. – Негромко сказал Остролист. – Белоцвет, ты окажешь нам честь?

Все тот же лесной дух протянул юноше деревянную плоскую чашу, которой было удобно зачерпывать воду из котла, который уже бурлил, и пенился, и брызгал во все стороны как гейзер. Белоцвет отдал духу жертвенный нож и взял чашу. Подойдя вплотную к источнику, он погрузил ее в воду, вынул и, не глядя, выплеснул все в подставленный кем-то берестяной сверток. Раздались полные зависти вопли, и счастливая хозяйка свертка поспешила выпить всю пожалованную ей удачу. Белоцвет засмеялся. Он вновь и вновь зачерпывал воду, разливал ее по каменным, слюдяным, аметистовым, костяным кубкам, зачерпывал полные пригоршни и разбрызгивал их на толкующуюся в воздухе мелюзгу, захлебываясь, пил сам. Кто-то из особо настырных и малорослых хогменов не устоял на каменном ободке и свалился в источник, Белоцвет выудил его и под общий хохот заставил выпить полную чашу, после чего жадиана попросту уполз на четвереньках. В воздухе звенел пронзительный смех, сверкала водяная завеса.

Не все хогмены добирались до вечного котла. Многие пили из текущих по траве ручьев, плескались в лужах рядом с разомлевшими лягушками и ящерицами, валялись на мокрой траве, выставив напоказ свои тела. А к источнику все подходили и подходили; воду пили, зачерпнув узкой ладонью, погрузив в нее звериную голову, наполнив причудливые стеклянные сосуды.

– Эй, виночерпий! – Белоцвет оглянулся. Несколько ламий и водяная, очень похожая на ту, что встретила их с королем в подземном лабиринте, только на этот раз не с рыбьим хвостом, а на двух весьма длинных ногах, затеяли танцы неподалеку от круга камней. Судя по их мокрым волосам, они уже успели не раз приложиться к источнику, и поэтому их веселье было не удержать.

Белоцвет отыскал глазами короля. Тот сидел на траве, опираясь спиной на самый высокий камень в круге, и пил из своего черного хрустального кубка. На лице его застыла блаженная улыбка, глаза были закрыты, а у ног лежал Цикута.

– Самое время, – решил Белоцвет. Он пустил деревянную чашу плавать по воде, оттолкнул высокого, тонкого слуга, лакающего прямо из котла, лязгая зубами. Слуга покорно убрался, а Белоцвет ухватился руками за края и, наклонившись, погрузился по плечи в кровавую воду. Потом он резко выпрямился, разбрызгивая тяжелые капли с волос, запрокинул голову и закричал. Ничего человеческого не было в этом крике, так могла кричать хищная птица, камнем падающая на свою жертву, или же обозленный зверь. Темная душа леса смотрела глазами Белоцвета, вырывалась криком из его вздрагивающего горла, темная лесная кровь переполняла его сердце.

Белоцвет оглядел притихших хогменов, оскалился, кинул пригоршню воды в стайку фей, и направился к танцующим.

– Что за танцы под хлопанье в ладоши? – Спросил он у одной из ламий, украсившей волосы и грудь светляками. – Где наши хваленые музыканты?

– Пьют, – со смехом ответила она. – И к тому же наши музыканты в подметки не годятся человеческим. Так что... – и она огляделась, постукивая мелкими острыми зубками.

– Вот он! – Тонкий пальчик указывал на жмущегося в тени парня, прижимающего к себе волынку. – А ну, выходи! Я тебя поймала! И тебя! И тебя!

Ламия тыкала пальцем в стелющихся по земле людей, у каждого из которых были музыкальные инструменты – флажолеты, ребеки, цимбалы. Они вставали и покорно подходили к ней, бредя нога за ногу, будто во сне. Когда их набралось человек шесть, она решила, что этого хватит и махнула им рукой – мол, играйте. Перепуганные музыканты задудели кто во что горазд, заглушив на минуту даже рев минотавров.

– Э нет, так не пойдет. – Белоцвет решительно отнял у одного из пленников страны-под-холмами пастушью дудочку, повертел ее в пальцах и, вспомнив что-то уже неизмеримо далекое, поднес к губам и заиграл весенний напев, простой и нежный, песню, вслед за которой приходит лето. Музыканты прислушивались, лица их светлели, они переглядывались и постепенно, один за другим, подхватывали мелодию.

– Так-то лучше. – Одобрил Белоцвет, возвращая дудочку человеку. – Но сегодня мы хотим другой музыки. Нежности оставьте на потом. Мы желаем веселиться, не так ли, красавица? – И он схватил ламию за сверкающие волосы, притянул к себе, поцеловал и оттолкнул. – Играйте! И смотрите, играйте хорошо... а не то я вас съем!

И он захохотал, потешаясь над похолодевшими от ужаса людьми.

Музыканты как могли справились с волнением и уже через минуту над долиной стоял гул развеселой, залихватской мелодии, толкающей в пляс. Белоцвет подхватил водяную деву, раскружил ее, двинулся дальше, а она все цеплялась за его пояс своими мокрыми, длинными пальцами. За нее ухватился козлоногий сильван, а за длинные пряди его шерсти цеплялась ланнон ши в венке набекрень. Белоцвет танцевал, проходя по долине, и все хогмены спешили присоединиться к нему. Танцующие двигались причудливой вереницей, свивались в кольца, расходились и вновь сближались. Белоцвет уводил их все дальше от источника, на край долины, и вскоре толпа у круга камней поредела, а потом и вовсе иссякла. По всей долине мерцали огни, в отчаянном веселье заходила музыка, воздух дышал послегрозовой свежестью и силой.

Король-мертвец приоткрыл глаза. Тут же Цикута вскинул голову, заглядывая в лицо хозяину.

– Лихой парень попался. – Остролист погладил пса по голове. – Наконец-то можно будет уснуть спокойно. Я не забыл, Цикута. Сейчас все исправим.

Король негромко позвал кого-то, и из темноты вышла девушка в длинном белом платье и в шапочке-колокольчике на темноволосой голове. Она была очень хороша даже для себе подобных, но что-то в прищуре ее темных глаз заставляло думать о скорейшем отступлении, в котором не было позора, только желание остаться в живых.

– Мы снова живы, ваше величество. – Госпожа цветов подошла к кипящему, переливающемуся через край котлу, зачерпнула немного воды узкой ладонью, сделала маленький глоток и облизала розовые губы. – Какой щедрый дар, давно такого не было.

– Осталось немного прибрать за собой. – Остролист поднялся и подошел к ней. – Я не хочу, чтобы мальчик расстраивался. Он меня забавляет.

– Разумеется. – Девушка окунула в воду ладонь и что-то прошептала над нею, роняя капли с пальцев. Буря в котле несколько поутихла, и темная от крови вода посветлела. Стало видно тело, застывшее на каменном дне.

Остролист стукнул посохом по стенке котла, и каменная жаба, испокон века державшая его в своих лапах, открыла глаза и утробно, гулко квакнула. Потом она поставила котел наземь, склонилась над ним, выудила тело жертвы и подняла его над водой. В мокрой перепончатой лапе лежал мертвый юноша – смуглый и черноволосый, его лицо закрывал полураспустившийся венчик из ядовитых цветов дурмана. Жаба подержала его с минуту на весу, а затем разинула пасть и проглотила легко, как муху. После этого она вновь вцепилась обеими лапами в котел, села на прежнее место, закрыла глаза и погрузилась в сон, из которого ее вырвала воля Остролиста.

– Вот и все. – Усмехнулась госпожа цветов. – Коварство хогменов не знает предела.

– Воистину. – Кивнул Остролист. – Так же, как и сила человеческой веры. А он поверил... Ты видела, как он поверил!

– О да. Какое прекрасное безвременье нас ожидает, ваше величество.

Помолчав, госпожа цветов спросила, невинно улыбаясь:

– А вы не боитесь оставлять его на своем троне? Такого... молодого, сильного... и он явно понравился вашим подданным.

– Не боюсь. – Остролист недобро посмотрел на девушку. – А вот за тобой я прослежу лично. Чтобы ты не просыпалась раньше времени, и не лезла туда, где тебе не место. Довольно. Я устал скучать. Я так давно не охотился, что люди посмели позабыть рог Дикой Охоты. Пора им напомнить, что бывает с теми, кого настигают мои псы. А ты ступай и проследи, чтобы негодницы ламии знали свое место и не слишком навязывались мальчику.

– Повинуюсь, ваше величество, – госпожа цветов поклонилась, скрывая гримасу, искажившую ее личико.

Остролист снял с пояса рог, украшенный резьбой, поднес его к губам и затрубил. Тоскливый, злобный вой пронесся над долиной, и в ответ ему залаяли, приближаясь со всех сторон, гончие псы. Из расщелины в камне заструился серый дым – Дурной Сон, королевский конь, явился на зов хозяина. Остролист сел верхом и вновь затрубил, а когда он опустил рог, Дурной Сон прынул вперед и вверх, унося Остролиста на вершину холма, а оттуда – в ночное небо над предместьями Гринстона.

*Бойся тихих голосов, шепчущих из темноты,
Не ходи дорогой старой, коль ее не знаешь ты,
Бойся всплеска за спиной, смеха из морских глубин,
И ребенка с золотыми волосами береги.
Но всего сильнее бойся ночью темной, грозовой,
Оказаться в чистом поле и услышать злобный вой,
И увидеть, как Охотник скачет гончей своре вслед.*

Потому что от Охоты никому спасенья нет.

Глава третья, в которой герой попадает в лабиринт

Белоцвет проснулся. Еще минуту назад ветер сновидений нес его, невесомого и свободного, в неведомые дали; но все полеты заканчиваются, не был исключением и этот. Нехотя, с трудом Белоцвет приоткрыл глаза, оглядывая себя и ближайшее окружение.

Он лежал, положив голову на поросшую коротким золотистым мехом спину сильвана, спящего мертвецким сном. К правому его боку прижималась темноволосая ламия, растерявшая все свои цветочные гирлянды, а к левому – дриада, на которой из всего ее роскошного лиственного одеяния остался лишь браслет из красных ягод шиповника. На животе Белоцвета мирно посапывала обнявшаяся парочка эллилов, их стрекозиные крылышки то приподнимались, то опадали, разбрасывая радужные пятна света. А в ногах похрапывал кто-то, больше всего похожий на кучу войлочных ковриков. Осторожно приподняв голову, Белоцвет оглядел себя: он был совершенно гол, что было в общем не удивительно, но цел и невредим. Привстав на локте, юноша убедился, что насколько хватало его глаз, вокруг было то же самое – хогмены вповалку спали на земле беспробудным сном, который накрывает особо постаравшихся гуляк. Было тихо, вчерашнее исступление ушло, уступив место всеобщему умиротворению. С тихим вздохом Белоцвет опустил голову на теплую спину сильвана.

– Доброе утро. – Шеш вполз на грудь хозяина, легко огибая спящую парочку. – Если ты собрался дрыхнуть здесь и дальше, я тебя разочарую. Вставай, пора идти занимать престол. Его величество желает отправиться на отдых. Давай, скидывай этих бездельников и пошли.

– Что, вот прямо так?.. – Хриплым голосом спросил Белоцвет. – Как-то неподобающе я одет, не находишь?

– Чтобы удивить Остролиста, нужно что-то посолиднее голой задницы, – ядовито ответил Шеш. – В башне вся твоя одежда, не бойся. Ну, вставай уже!

Белоцвет осторожно перенес и ухом не ведущих эллилов наземь, высвободил плечо из-под головы дриады, подтянул колени и встал, с трудом удерживая равновесие. Постояв с минуту, он медленно двинулся вперед, перешагивая через тела спящих хогменов.

– Это и есть тот самый сон?

– Пока еще нет. – Фыркнул змей, оплетая плечо юноши. – К вечеру проспятся, придут в себя и отправятся восвояси, каждый к своему месту. Там и будут зимовать.

– Посреди лета?

– Это у людей лето. А у нас зима. Смотри, куда ноги ставишь. Чуть на стуканца не наступил.

Медленно, пошатываясь, Белоцвет вышел из лощины, где провел часы, незабываемые уже по той причине, что любая попытка вспомнить хоть что-то отзывалась звоном и болью в его голове. Свет небес страны-под-холмами снова был теплым, королевская башня все так же возвышалась по правую руку, и он пошел к ней, поминутно чертыхаясь, поскольку уже давно отвык ходить босиком.

В башне его ждала ванна, стоящая у жарко натопленного камина, чистая одежда, разложенная на сундуке; вообще обстановки в комнате прибавилось, появился даже гобелен на стене. Белоцвет поспешно залез в ванну, погрузился с головой в горячую воду и замер, пытаясь собрать себя воедино. Убедившись в бесплодности этих попыток, он вынырнул, положил голову на край и открыл глаза.

– Шеш, я в жизни так не напивался. – Покаянно произнес Белоцвет. – Эта вода... вино рядом с ней просто вода.

– Да уж, ты себя показал. – Змей неторопливо плавал над животом хозяина. —Разговоров на сто лет хватит. Даже сильваны утерлись, когда ты дриаду...

– Не надо! – И Белоцвет снова погрузился с головой, но тут же поднялся и с любопытством переспросил: – А что было-то?..

Вместо ответа змей с невыразимым бесстыдством подмигнул юноше и показал ему свой дрожащий раздвоенный язык.

– У меня все болит, – пожаловался Белоцвет, садясь в ванне.

– Немудрено, после таких-то трудов, – ядовито посочувствовал змей, выползая из воды. – Все, хватит тут расслаиваться. Отмывайся, одевайся и марш к королю. Я тебя там подожду.

Белоцвет крикнул ему вслед, что думает о бессердечии змей вообще и своего фамилиара в частности, и принялся смывать морской губкой грязь со своих ног, кровь с царапин на плечах, мох и песок, налипшие повсюду. Обсушившись у огня, он переоделся в чистую одежду, смог выпить немного ягодного отвара и направился по лестнице вверх, в королевскую усыпальницу.

Остролист ждал его, стоя у окна. Когда Белоцвет вошел в комнату, король повернул голову и ободряюще кивнул ему.

– Рад видеть тебя. – Остролист сел на широкий каменный подоконник, указав юноше на соседний. – Садись.

Он помолчал и негромко произнес:

– Мало того, что ты вернул нам жизнь, Белоцвет, ты и нам смог подарить праздник. Нечасто хогменам выпадает так повеселиться.

– А люди не жадничают на веселье, – не подумав, ответил юноша, и замолчал.

Они сидели, глядя на тихую Вечную Долину, король спокойно, Белоцвет – все более волнуясь.

– Я хотел спросить, – наконец заговорил он, – кто я теперь? Хогмен? Человек?

– Ты был идеальным полукровкой, Белоцвет, – ответил Остролист. – А теперь с каждым днем ты все больше будешь становиться хогменом. Ты сам, собственноручно, убил свою человеческую половину, отдал свою красную человеческую кровь. Ее память еще сильна в тебе, и ты будешь чувствовать ее какое-то время. Потом она ослабеет и отпустит тебя. Хогменская же кровь, напротив, начнет брать свое – и чем дальше, тем больше. Будь осторожен со своими новыми возможностями, чтобы они не наскучили тебе раньше времени.

– Значит, я уже не вернусь назад?

– Почему же? – Удивился король. – Ты свободен, Белоцвет. Свободен более чем когда бы то ни было. Поднимайся к людям сколько тебе угодно. Смотри, – и он указал на простирающиеся перед ними земли. – Каждый круг камней или просто камень, каждый холм и каждое дерево здесь – это входы в верхний мир. Многие мои подданные предпочитают спать именно там, и как только придут в себя, отправятся каждый своим путем и на свое место. Кто-то останется спать внизу, но только совсем уж тяжелые на подъем. И тебе путь вверх открыт. Но, разумеется, не человеком. Сам понимаешь – то, что забрали хогмены, сами боги не вернут.

– Вот как. – Белоцвет выдохнул с некоторым облегчением. – Значит, в скором времени все уснут в своих холмах, а я останусь охранять ваш покой и сон. Король-ночной стражник.

Остролист засмеялся.

– А разве самое интересное происходит не в ночную стражу?

Все еще смеясь, он снял со своей головы костяной обруч, украшенный белыми искрами кристаллов, и надел его на Белоцвета.

– Твое царствование началось, король безвременья. Да будет оно достойным.

Остролист встал и направился к своему каменному ложу; сделав несколько шагов, он обернулся.

– Я оставляю тебе Цикуту. Решешь отправиться вверх – бери его с собой, особенно на первых порах. Раз уж ты распростился с железом, он тебе послужит не худшей его заменой.

Белоцвет промолчал. Украдкой он прикоснулся к костяному обручу – тот был легкий, плотно, но ненавязчиво обхватывал голову; словом, на первых порах корона не показалась ему тяжелой. Остролист поставил свой посох в изголовье, лег и со вздохом вытянулся на каменной плите, закрывая глаза.

- Ваше величество, – подал голос новый король.
- Что? – Не поворачивая головы, спросил засыпающий.
- Хороших снов, – искренне пожелал ему Белоцвет.

Остролист улыбнулся в ответ и уже через несколько минут погрузился в глубокий сон. Белоцвет еще недолго посидел в усыпальнице, а потом вышел, плотно прикрыв за собой дверь.

И потянулись долгие, похожие друг на друга дни. Поначалу Белоцвет с интересом рыскал по долине, пытаясь узнать свое пусть небольшое и временное, но все-таки королевство. Какое-то время это его развлекало, но в итоге любопытство иссякло, уступив место спокойному и скучному знанию. Спящие хогмены не представляли никакого интереса, поскольку не реагировали вообще ни на что; они словно оцепенели в своем сне. На голове одного из них Белоцвет как-то выстроил каменную пирамидку и потом швырялся в нее камешками, пока Шеш не пристыдил его. Некоторых подданных, которые вросли в землю по самые брови или плавали в водяных пузырях, парящих над болотистой низиной на западе долины, ему и самому было неловко тревожить.

Немногие встреченные им люди испуганно жались к своим бесчувственным хозяевам и на обращения Белоцвета никак не отвечали, пряча лица, поэтому в скором времени он потерял и без того невеликий к ним интерес. А поскольку незримые слуги исправно таскали из верхнего мира все, в чем он пока еще нуждался, новоявленному королю ни о чем не приходилось беспокоиться.

Вопреки ожиданиям, книг в сторожевой башне, когда-то по незнанию поименованной дворцом, не набралось даже десятка. Это были ветхие, рассыпающиеся в прах фолианты, половина из которых к тому же была написана на неизвестном Белоцвету наречии. Прочитать ему удалось пару дневников, повествующих о незавидной судьбе кавалеров, увязавшихся за прекрасными ланнон ши. Поначалу они писали восторженно, захлебываясь своим счастьем, потом в их записи прокрадывалась скука, а в конце концов пишущие теряли отчетливое представление о себе самих и совсем выцветали, становясь безмолвными тенями. Еще одна понятная Белоцвету рукопись принадлежала кому-то из прежних королей безвременья, но самые интересные страницы – последние – были вырваны. Словом, книг хогмены не жаловали, как, впрочем, и многого другого, милого сердцу людей; не было у них ни картин, ни роскошных зданий, да что там, они даже поесть как следует не умели, так, создавали видимость.

В стране-под-холмами не происходило ровным счетом ничего, и через месяц Белоцвет понял, что еще немного – и он завоюет от тоски. Или пойдет напрашиваться в гости к леди Терновник.

Он вышел из сторожевой башни ранним вечером, когда свет золотых облаков был еще прозрачен, а на траве уже лежала обильная роса, огляделся вокруг и, ни к кому не обращаясь, спросил:

– Кто я и что здесь делаю?

– Ты – олух, и теряешь драгоценное время. – Ответил ему фамилиар, подняв голову из-за плеча. – Ну что, теперь-то тебе понятно, почему твой народ с таким постоянством навевается в верхний мир? Если бы не люди, мы бы тут со скуки передружили друг друга еще в начале времен. Так что не будь дураком, твое величество, ступай прогуляйся, пока умом не тронулся.

– Ишь ты, советчик выискался. – Белоцвет ласково провел пальцами по змеиной голове. – Помнится, как-то мне уже советовали вот так прогуляться... а кто это был? Тот старик солдат,

который учил меня драться на ножах? Или старуха с циморилом, у нее еще такие злые глаза были... Не помню. Шеш, я действительно не помню.

Белоцвет прислушался к себе – нет, страшно ему не было, несмотря на то, что воспоминания ускользали от него, сыпались из рук как сухие горошины, и разбегались кто куда. Он еще помнил Амадея, его труды и дни, но каждый час в стране-под-холмами уносил частицу этой памяти, и Белоцвет провожал ее без сожалений.

– После ритуала в моем королевстве не случилось ничего, что было бы мне по сердцу. Мне скучно, Шеш.

– Да? А кто в этом виноват? – Фыркнул змей. – Ходишь тут как тень потерявшаяся, как прихвостень какой-нибудь захудалой ламии! Что с того, что твои подданные спят, неужто во всем верхнем мире не найдется никого тебе – как ты сказал? – по сердцу?!

Белоцвет задумался. Из тихо остывающих глубин человеческой памяти поднялся образ, который был теплом, защитой и, пожалуй, даже спасением. Юноша улыбнулся и махнул рукой, подзывая лежавшего у порога серого пса с мертвыми глазами.

– Цикута, а не проведать ли нам твоего брата?

– У меня нет братьев. – Не поднимая головы, ответил пес. – В своре каждый сам за себя.

– А когда из всей своры остался ты один, как сейчас? Будет тебе, нам давно пора навещаться наверх. И я уверен, что Живоглот твоих кровей. Заодно узнаю, почему он так задержался наверху.

– Это и так известно, – демонстративно зевнул пес, раскатав язык темно-красной дорожкой. – Подранков хозяин всегда бросает, слабаки Дикой Охоте не нужны. Твой выжил, вытравил скверну и предпочел снова прибиться к людям.

– Вот у него и спросим. – Тоном, не терпящим возражений, ответил Белоцвет. – Хватит, засиделся я здесь.

– Так тебя за этим сюда и привели, разве нет? – Цикута, не вставая, вытянул вперед длинные, мощные передние лапы, царапая когтями камень.

Белоцвет, уже шагнувший в травяные заросли, обернулся и посмотрел на пса долгим, тяжелым взглядом, чтобы тот понял, чьему внуку пытается перечить; юноша чувствовал, как холодеет воздух и поднимается ветер, как начинает хрустеть инеем трава у его ног. Он оскалился и провел языком по зубам – так и есть, ему не почудилось: они заметно заострились. Молодой король злобно засмеялся и небрежно щелкнул пальцами, подзывая пса.

– К ноге. – И, не оглядываясь, пошел прочь от башни.

Этот камень он заметил давно, в самом начале своего одинокого бдения в долине. Белоцвет узнал его, слишком часто приходилось ему ставить на его плоскую вершину корзину с мокрым бельем. Камень прятался у склона холма, идти до него было всего ничего. Поначалу Белоцвет даже хотел подняться в верхний мир именно отсюда, но интерес к вечной долине оказался сильнее, и на какое-то время король безвременья забыл о мире людей; кроме того, он опасался, что не сможет перемещаться так же легко, как чистокровные хогмены. Однако сейчас он даже не думал о том, что этот путь может оказаться закрыт для него, а просто подошел вплотную к камню и шагнул влево.

– Удивительно. – Нарушил недолгое молчание Белоцвет. – Я и забыл, какое здесь небо.

Он стоял в той самой рощице, по правую руку от него бежал ручей, подпрыгивая на камнях, в воздухе разливались запахи спелого, настоявшегося лета. И над всем этим простирался высокий, светлый, пронизанный солнечными лучами купол небес.

– Какое небо... – повторил юноша, зачарованно глядя вверх.

Тишину нарушил мальчишеский голос; какой-то малец, подбадривая себя призывами «а ну, давай!» и «эгей, да я силач!», шел в сторону ручья, таща за собой волоком что-то тяжелое.

– Мокрое белье, чтоб ему провалиться. – Белоцвет отступил в тень, проведя перед собой рукой, будто задергивая занавес. – Постояльцы тетки Стафиды любят спать на чистом.

К ручью вышел паренек лет двенадцати, оттянувший себе все руки здоровенной корзиной. Отдохнув несколько минут, он прицепил белье к веревке, привязанной одним концом к дереву, лежащему поперек ручья, и принялся осторожно опускать его в воду. Когда мальчик двинулся вверх по течению, чтобы ручей как следует выполоскал выстиранные простыни, из рожицы по его следам вышел здоровенный пес серой масти.

– Живоглот... – прошептал Белоцвет, расцветая такой улыбкой, что змеиное сердце его фамилиара заныло от ревности, будто в него вонзили ржавое сапожное шило.

Пес вздрогнул и застыл на месте.

– Эй, дружище, ты чего встал? – Паренек махнул рукой. – Иди сюда, у меня пирог есть.

Живоглот медленно направился в сторону мальчика, но есть не стал, сел вполоборота к деревьям и ждал, пока тот не выполощет белье, не сложит его в корзину и не уйдет достаточно далеко. Только после этого он не торопясь подошел к камню и замер.

– Живоглот, – повторил Белоцвет, выходя на свет. – Здравствуй, друг.

Несколько мгновений они смотрели друг на друга, после чего Белоцвет, опустившись на колени, обнял пса за шею, а тот положил голову ему на плечо и блаженно закрыл глаза. Они просидели так долго, пока Шеш не завозился в рукаве Белоцвета.

– Хватит тискаться, вы! Я надышался псиной вволю, ну хватит уже!

Белоцвет устроился в тени, прислонившись спиной к камню, Живоглот положил голову ему на колено, так, чтобы юноша мог чесать его за ухом.

– Как вы тут без меня?

– Я скучал. – То, что мысли пса отозвались эхом в его голове, Белоцвета совсем не удивило. – И люди тоже. Тебя вспоминают. Часто.

– А как этот парнишка?

– Хороший. Твоих способностей нет, но неплох. А ты? Как ты к ним попал? – И Живоглот покосился на Цикуту, молча сидевшего поодаль. – Ты знаешь, кто он?

– Знаю. – Пальцы Белоцвета успокаивающе погладили сморщившийся песий нос. – Я у них король, так уж вышло. Ненадолго, но по-настоящему. – И он показал на костяной обруч, к которому уже успел привыкнуть.

– И ты им поверил? – В глазах Живоглота мелькнуло недоумение.

– Пришлось. – И продолжая гладить пса, юноша рассказал ему обо всем, что приключилось с ним после того, как он уехал вслед за принцем в Трискелион. – Так что сам видишь, отказаться я не мог. Живоглот, ты пойдешь со мной?

– Если позовешь – пойду. Только сам подумай, куда им без меня. Старик в последнее время сдал. – И пес виновато опустил глаза.

– И это ты называешь верностью? – Подал голос Цикута.

– Именно это. – Оборвал его Белоцвет. – Я не хозяин Живоглоту, я лишь младший в его стае. Ты прав, дружище, прости, что смутил тебя. А вы действительно из одной своры?

– Да, и это не делает мне чести, – спокойно ответил пес.

– Меня тошнит от твоей домашней вони, – презрительно обронил Цикута. – Как можно было променять Дикую Охоту на то, чтобы сторожить курятник? Ты позор своры, Живоглот.

– А ты позор всему нашему роду.

– Довольно, прекратите грызнуть! – Шикнул на псов Шеш, выставив голову из ворота рубашки хозяина. – Каждый хорош на своем месте. Подбери свою спесь, Цикута, она у тебя

по земле волочится, не ровен час, наступишь. Если бы не Живоглот, не было бы нам такого короля безвременья, потому как сгинул бы он тут без его пригляда. И притащили бы нам опять перепуганного насмерть человечка с жидкой кровью, тоска, да и только! А ты, Живоглот, не забывай, откуда пришел и кем был. Если бы не выучка Остролиста, на что бы ты был годеи, а? Все, вы как хотите, а я домой собрался. Белоцвет, ты что задумал?

– Я хочу взглянуть на них, – ответил тот, вставая. – Не бойся, одним глазком. Посмотрю и уйду.

И он направился в ту сторону, куда ушел мальчишка с корзиной белья. За ним шли оба пса, один по левую, другой по правую руку. Шеш забрался было, но быстро смолк, как только Белоцвет обмолвился о том, что в кармане у него пара леденцов. Змей тут же переполз поближе к лакомству и затих.

Белоцвет уверенно шел знакомой дорогой и вскоре оказался позади постоянного двора, притихшего в жаркий полдень. Освобожденная от упряжи лошадь дремала под навесом, курицы лениво копошились в пыли, из открытого окошка второго этажа доносился женский смех. Белоцвет медленно пошел вокруг дома. Подойдя к распахнутому окну кухни, он заглянул в него, не опасаясь быть замеченным. И замер.

Он простоял так не меньше получаса. Там, на кухне «Копченого хвоста», не происходило ничего особенного. Сама тетка Стафида, по-прежнему черноволосая и статная, сидела у стола и толкла в ступке перец. Рядом с ней стояла огромная миска с тестом, и этот теплый, пшенично-золотистый запах лишил Белоцвета остатков воли. А с противоположной стороны стола Горча не спеша раскатывал основу для открытого пирога; старик все еще был не по зубам времени, и если и постарел – то лишь самую малость. Белоцвет смотрел на него и чувствовал, как к сердцу подбирается что-то почти позабытое, оно же поднималось к его глазам и немилосердно щипало их. В его ладонь ткнулся холодный нос Живоглота.

– Уходи, – выдохнул Белоцвету на ухо Шеш. – Пока не поздно, уходи. Это больше не твой мир и не твой народ. Не смей тосковать, уходи.

И змей сильно укусил хозяина за ухо, поскольку тот не обратил на его слова ни малейшего внимания.

– Ты!.. – Белоцвет схватился за ухо. – Ну спасибо тебе... скотина бездушная.

Он с трудом отвел глаза от кухонного окна и медленно повернул прочь от дома. Живоглот проследовал за ним и остановился лишь возле камня.

– Я буду тебя ждать. – Холодные глаза потеплели на миг и вновь остекленели, обратившись на Цикуту. – Слушай, ты. По праву того, кто был вожаком стаи Остролиста до тебя, я прошу – береги Белоцвета. Ты мне за него отвечаешь всем, что у тебя еще осталось.

– Хозяин уже приказал мне оберегать короля безвременья. – Высокомерно ответил Цикута, но, поразмыслив, кивнул головой. – Я учту твоё пожелание. Потому что ты был лучшим вожаком.

Белоцвет еще раз обнял Живоглота, потрепал его по загривку и, с усилием отстранившись, шагнул за камень.

Весь остаток этого дня он провел возле древнего, поросшего мхом хогмена, на голове которого месяц назад строил башенку из камней. В этот раз башенка получилась вдвое выше, и Белоцвет швырялся в нее голышами, пока рука не заныла. А вечер он просидел в саду, на каменной скамье под вечно цветущим терном, играя на старой лютне, которую ему раздобыли в дебрях дворцовых кладовых.

Так началось для Белоцвета время путешествий. Почти каждый день он заглядывал в какой-нибудь уголок верхнего мира, не только Тринакрии, разумеется. Он нигде подолгу не задерживался, зная меру. Его сонное королевство не требовало много времени, но он опа-

сался навредить тем, кого встречал наверху, поскольку еще помнил людей и то, чем оборачивались для них встречи с хогменами.

Он проходил через круги дольменов и оказывался посреди холодных, продуваемых всеми ветрами Вересковых пустошей Краглы, обходил по солнцу старые деревья и оказывался в глубине сосновых лесов, испокон века растущих в эльфийских землях. Нырлял с головой в застоявшиеся пруды и выплывал возле мельничных запруд или из черноты речного омота. Одинокое терны, орешники и падубы приводили его ближе всего к людям. Иногда он замечал неподалеку от связующих мест спящих хогменов; кого в дупле, укрытого сухими листьями, кого прямо на земле, в гнезде из сухой травы, кого в сплетенном из веток гамаке, растянутом между деревьями. Он старался не тревожить их, разве что еще плотнее задерживал завесу, отделявшую их от чужих глаз. Лишь однажды Белоцвет вмешался: в оливковой роще неподалеку от Влихады он нашел дриаду, возле которой сидели на земле две девочки со сплетенными воедино золотистыми косичками. Дриада крепко спала, удобно расположившись в развилке сука, ее волосы свисали до земли, ветер тихо колыхал тяжелые зеленые пряди. Девочки, и без того связанные косами, крепко держались за руки, прислонясь головами к нагретому вековому стволу оливы. Приглядевшись, Белоцвет понял, что они мертвы.

Сестрички были маленькими и такими легкими, что ему не стоило труда поднять обеих и донести до края рощи; он опустил их в траву неподалеку от тропы, по которой ходили люди. Белоцвет снял с девочек венки из оливковых веточек, сплетенные дриадой, тем самым открыв их для человеческих глаз, и ушел.

Прошел еще месяц, а возможно, и больше, поскольку Белоцвет стал не столь внимательным ко времени. Он привык к тому, что в стране-под-холмами оно знает свое место и не навязывает свою волю. Юноша настолько освоился в подземье, что оно стало казаться ему единственно возможным миром.

Ранним утром Белоцвет вышел в сад. Ему плохо спалось этой ночью, сны были беспокойными и спутанными, и встал он в дурном расположении духа. Не помог ни горячий хлеб только что из дворцовой пекарни, ни книги, наконец-то правильные (до этого дня приносили почему-то только переплетенные в кожу счета, читать которые было решительно невозможно). Белоцвет наскоро поел, отшвырнул раскрытую было книгу и пошел проветрить свою тяжелую голову.

Сад вокруг башни был для него давным-давно прочитанной книгой, песней, выученной в теперь кажущиеся незапамятными времена. Тем больше было его удивление, когда он увидел, что живая изгородь, идущая вдоль восточной части сада, вся усыпана цветами, на которые еще вчера и намека не было. Белоцвет подошел поближе: таких цветов он прежде не видел, ни здесь, ни в верхнем мире, хоть и был родом с Тринакрии. Мелкие цветочки были собраны в шаровидные соцветия, которые поблескивали и переливались оттенками голубого, белого и серебряного – совсем как наскоро слепленные снежки в день первого снегопада. И пахли они так же, чистотой, легкостью и чем-то неуловимо нежным, тем, что невозможно удержать и очень трудно вспомнить.

Белоцвет сорвал один из цветов, вдохнул невесомый аромат и пошел вдоль изгороди, прикасаясь к прохладной листве; через сотню шагов зеленая стена изгибалась подобием невысокой арки, за которой простиралась заросшая лужайка, пестрящая желто-розовыми цветочками: на Тринакрии их называли сладкими обещаниями. Неизвестно чему улыбаясь, Белоцвет шагнул в арку.

И вышел в синий вечерний воздух, по-южному ласковый. На секунду задумавшись (поскольку переход оказался неожиданным), Белоцвет осмотрелся. По обе стороны от него высились стены живых изгородей, подстриженные идеально ровно, похожие на тяжелые бар-

хатные занавесы. Дорожка была усыпана белой мраморной крошкой. «Это садовый лабиринт, – догадался юноша. – В старом дворце был такой».

Белоцвет прислушался. Рядом с ним, за поворотом зеленой стены кто-то горько плакал. Юноша пожал плечами, воткнул цветок за костяной обруч короны и пошел посмотреть, кто это льет слезы в такой чудесный вечер.

Оказалось, что за первым же поворотом лабиринт и заканчивается. Посреди небольшой лужайки стояла простая каменная скамья, на которой сидела девушка, рыдающая так усердно, что появление Белоцвета осталось незамеченным. Он постоял с минуту, глядя на небо, потом подошел еще ближе и сел рядом с ней.

– Здравствуй, красавица.

Ответом на его приветствие было глухое «ыхыхыхы», раздающееся из-под свесившихся по обе стороны склоненного лица черных волос.

– Не плачь. Лучше расскажи мне, что произошло. Возможно, я смогу тебе помочь.

Рыдания несколько поутихли. Незнакомка, судя по всему, решила взять себя в руки. Она выпрямилась, откинула волосы за спину и повернулась к Белоцвету. Даже сейчас, наплакавшись, она была очень красива: черные, с золотой искрой, волосы, прозрачные зеленые глаза, похожие на листья кувшинки, наполненные водой, нежное, юное лицо.

– Почему я не видела тебя в начале церемонии? – Спросила она, нахмутив брови. – Я бы тебя запомнила.

– Возможно потому, что меня там не было. – Предположил, недоумевая, Белоцвет. – О какой церемонии ты говоришь?

– Если ты здесь, ты не можешь не знать о ней. – Девушка отодвинулась, выпрямляя и без того вытянутую в струну спину. – Иначе ты не попал бы сюда. А впрочем, какая разница. Все это не имеет ни малейшего значения. Ты здесь, и это главное.

Она встала, шагнула к невысокой колонне, на вершине которой был подвешен маленький колокол, и позвонила в него. Вопреки ожиданию, звон оказался печальным, чуть ли не погребальным; он поплыл над стенами лабиринта серебряным туманом, разнося весть о том, что победитель, как водится, успел первым, а все остальные могут отправляться восвояси. И не один молодой мужчина, безнадежно заплутавший среди зеленых стен, остановился, сжимая кулаки и разражаясь сотней-другой проклятий. Потому что сегодня был тот самый, единственный в году день, когда первый встречный мог взять в жены Филлис, дочь короля, принцессу Арзахельскую. Разумеется, для этого нужно было первым пройти большой лабиринт, о котором ходили самые нехорошие слухи, да и потом счастливица ждала испытания, назначенные его величеством, который смотрел на каждого претендента как на врага, безжалостным, волчьим взглядом – и испытания придумывал соответствующие. Но разве станет думать об это настоящий мужчина, в чьей груди бьется горячее, безрассудное сердце, кто готов рискнуть всем ради той, что живет в Башне Снежных Цветов, той, о которой говорят, будто она прекраснее эльфийских дев, потому что красота ее согрета нежным сердцем. Филлис, сумеречный цветок Арзахеля, зывали к ней поэты, обрати на нас свой взор, будь благосклонна к нам, ибо каждый наш вдох проникнут любовью к тебе, каждое слово восхваляет тебя, и единственные наши звезды – это твои глаза, принцесса. И если они и привирали, как и полагается поэтам, то лишь самую малость.

А меж тем вошедшие в лабиринт действительно рисковали, и рисковали не шуточно. Потому что даже одолев зеленое безумие лабиринта, они оказывались во власти злобной фантазии короля Вальехо, который не желал так просто отдавать свою дочь. И до сего дня не нашлось еще ни одного жениха, кто одолел бы все королевские испытания. Так что вместо прекрасной принцессы они получали совсем другое вознаграждение. Его величество, Вальехо Неспящий, не любил ненужной жестокости, так что смерть всех женихов Филлис была легкой.

Глава четвертая, рассказанная очень тихим голосом

– Сколько я себя помню, меня никогда не было по-настоящему. Разумеется, не стану отрицать того, что я – средняя дочь Вальехо Неспящего, короля Арзахеля и сопредельных земель, что наречена пышным именем Филомена, но все зовут меня принцессой Филлис, что живу я в Башне Снежных Цветов и мне исполнилось восемнадцать лет. Все это так, но за всем этим я никак не могу найти себя – только чужие ожидания, надежды и волю.

До позапрошлого года нас было трое: Каэтана, я и Малена. Малена еще девчонка, ей всего десять лет, все свое свободное время она играет со своими расфуфыренными куклами и огромным кукольным домом, за обедом ждет сладкого и болтает ногами, а во время больших дворцовых праздников ее попечительнице стоит немало труда уследить, чтобы принцесса не сбежала. Не одна знатная дама поплатилась местом при дворе за выходки моей сестрички. По мне, так они совершенно безобидны: подумаешь, перевернула ледяную вазу с замороженными фруктами – Малена просто хотела добраться до тех, что на самой верхушке, всем известно, что они вкуснее прочих. А на льду так легко поскользнуться. Ну разумеется, ваза разбилась, куски льда испортили соседние блюда, и общее великолепие стола изрядно померкло. Зато Малена получила свой замороженный персик; правда, он ей не понравился, она вообще персики не любит. Так что еще неизвестно, чье разочарование было сильнее – маленькой девочки, которая поняла, что не всегда вожаемое оказывается хотя бы вкусным, или старого церемониймейстера, который увидел разгромленный десертный стол.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.